

ТЕНИ НАД ЭРДЕРОСОМ

рука со шрамом

Андрей Рейман

Лев Егоров

16+

Андрей Рейман

**Тени над Эрдеросом.
Рука со шрамом**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Рейман А.

Тени над Эрдеросом. Рука со шрамом / А. Рейман — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-08283-0

Когда-то Эрдерос принадлежал драконам. Но с приходом в мир эльфов, их процветанию пришел конец. Кровавые усобицы с младшими расами поставили под угрозу существование драконов, и рассеяли последних представителей некогда великой расы по самым отдаленным закоулкам мира. Но на переломе эпох в мир пришел дракон, обладавший невиданными прежде силами и одаренный внешностью человека, дабы иметь шанс жить вдали от грызни с расами мира. А между тем на юге подняло голову новое зло, у которого свои виды на юного дракона. Сумеет ли он обуздать свою сущность и избежать коварных ловушек таинственных сил?

ISBN 978-5-532-08283-0

© Рейман А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава I	6
Глава II	8
Глава III	20
Глава IV	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора Чернои-
вановой Ксении.

Глава I

Все началось заурядным осенним утром. Свежий утренний ветерок гонял красно-желтые ковры душистых листьев. В селении Холрен еще царила полная тишина и гармония. Кузнец Торвальд сонной походкой выкатился на крыльцо своей кузницы. Легкий порыв утреннего ветра всколыхнул его русые волосы, чуть тронутые сединой. В руках он сжимал кузнечный молот и несколько полос кожи. Это был грозный на вид человек преклонных лет, тяжелая работа оставила на его теле шрамы и ссадины. Он был настоящий мастер своего дела, и местные поговаривали, что сам Дьявол помогает ему. Но слетит подкова с коня, или петли на двери в сарай сломаются – все бегут к Торвальду, ибо всему Митриумскому графству известно, что Торвальд делает раз и на века, и не сыщется кузнеца лучше его.

Торвальд жил в своей избе-кузнице на отшибе – на вершине холма, откуда был прекрасный вид на все селение и окаймляющие его леса. Уже десять зим Торвальд был вдовцом. Его жена, Зарин скончалась от лихорадки, и Торвальд, прибитый этой утратой, дичал год от года. Он перестал общаться с соседями, потом здороваться, а затем и вовсе построил себе кузницу на холме, куда позднее и переселился. И жил бы он так себе поживал до самой кончины, если бы однажды к нему не пожаловал странный гость.

Ранним утром, когда воздух еще по ночному прохладный, а птички в лесу заливаются заутренней трелью, Торвальд, подергиваясь от холода, шел к верстаку, держа в руке толстую кожаную пластину и несколько полос кожи. Днем ранее, охотник из соседнего селения попросил подлатать его кирасу, но Торвальд решил, что данный предмет охотничьей экипировки настолько изодран и заношен, что взялся мастерить новую. Охотник было воспротивился, ведь новая кираса по его разумению выйдет подороже, чем просто починка старой, но Торвальд возразил, да и вообще спорить с мастером такого уровня было невозможно.

И только было Торвальд собрался вернуться за инструментом, как краем глаза заметил, что около дома бегают кто-то еще. «Что за чертовщина?» – подумалось ему. Он подошел к тому месту, где, как ему показалось, кто-то стоял. К его величайшему удивлению, на земле и правда были следы маленьких пятипалых ступней. Брови кузнеца взметнулись чуть ли не до затылка, а взгляд бросился к калитке. Трудно описать выражение лица Торвальда, когда он увидел, что калитка была распахнута настезь. «Что за..? Какого черта, я же помню, что запирал?» – думал он.

Чуть ли не бегом обойдя дом, Торвальд налетел на мальчишку лет восьми-десяти и чуть не свалил его наземь. Мальчик был наг и худ, но ничуть не испугался, когда Торвальд зарычал: «Чтоб меня черти побрали!» Наоборот – мальчик хихикнул и скрылся в доме. Кузнец поспешил за ним и застал его греющим ладони и коленки около печи.

– Ты кто? – спросил кузнец. Мальчик повернулся и посмотрел на Торвальда пустыми, непонимающими глазами. – Ты чей, малой? – снова спросил он. Мальчик не ответил и снова повернулся лицом к огню. Торвальд обошел мальчика вокруг и внимательно осмотрел. Мальчик, как мальчик. Черные волосы, голубые глаза, красивое ясное лицо. Самый обыкновенный, за исключением одного. Огромный отпечаток, как будто от какого-то острого раскаленного инструмента пересекал его правую руку от плеча и чуть ли не до самой ладони. Отпечаток был фигурный и напоминал какую-то руну на неизвестном языке. Торвальд не мог и представить, что могло так изуродовать ребенка, но знал точно, что ни одному человеку такое не под силу.

– Ты не разговариваешь на всеобщем? – спросил Торвальд. Мальчик ожидаемо не ответил, только слегка улыбнулся старому кузнецу. Затем взял кочергу и стал умело шебуршить поленья. Проворный уголек выскочил из печи, но мальчик ловко поймал его и бросил обратно, в огонь.

– Ишь ты! – изумился кузнец. – Смелый. По крайней мере с огнем управляешься умело. Из тебя бы вышел хороший кузнец. Как же тебя звать-то?

– *Jorim*, – сказал мальчик и Торвальд засмеялся.

– Йорвин? – переспросил он. – Ну Йорвин, так Йорвин. Хорошее имя. Королевское. Не хочешь погостить у меня пока твои родители не отыщутся? В кузнице попомогать не хочешь? Я тебя паре штук научу. – Мальчик в ответ только улыбнулся.

Но родителей не сыскалось ни через день, ни через два. Даже месяц спустя поиски и расспросы Торвальда ни к чему его не привели, и мальчик так и остался жить у кузнеца, а откликаться стал на имя Йорвин. Всякий раз, когда Торвальд шел работать, Йорвин шел за ним и наблюдал за трудом мастера. Он проявлял необыкновенный интерес к кузнечному делу, и у Торвальда вновь зажглась, угасшая было надежда на преемника. К тому же Йорвин очень быстро осваивал всеобщий. Шли годы, родители мальчика не появлялись. Торвальд не спрашивал Йорвина о его таинственном шраме, тем более, что сам Йорвин ничего о нем не знал. Парнишка рос и креп. Он всегда старался помочь кузнецу, которого он, любя, называл «старик». В четырнадцать лет Йорвин без труда управлялся с тяжеленными мехами, колот дрова и таскал мешки с углем. Два – три раза в неделю упражнялся с Торвальдом в фехтовании и кулачных боях. Его необыкновенный талант к кузнечному делу радовал Торвальда, который стал ему отцом и учителем.

Йорвин креп и рос как на дрожжах. К своим восемнадцати годам он стал ростом больше семи футов и изрядно широк в плечах. Он возвышался над другими людьми в среднем на две головы, и над Торвальдом на голову. Он стал силен как дикий медведь, мог одной рукой раздуть здоровые мехи, а другой уплетать закуску, мог одной рукой поднять человека за шею над землей и выдавить из него дух. Но, несмотря на это, у Йорвина было чуткое и доброе сердце. В селении все быстро его полюбили, и даже одна деревенская девочка по имени Делайла относилась к нему с особенной теплотой и любовью. Йорвин очень дорожил этими отношениями, хотя относился к ней больше как к родной сестре, что иногда ее огорчало. И тогда родители заставляли ее плачущей по ночам в подушку.

Но дни благоденствия не могут длиться вечно. Суровая жизнь вносит свои жесткие коррективы тогда, когда ты меньше всего этого ждешь

Глава II

Солнце еще даже не начало подниматься, но по дороге в Митриум уже шел путник. Это был юноша лет восемнадцати – двадцати, очень высокий, светлокожий и черноволосый. У юноши было ясное красивое лицо. Но его черты были настолько необычны для здешних мест, что врезались в память надолго. Его глаза сияли небесной голубизной из-под густых бровей. Его черные волосы были неаккуратно пострижены ножом над бровями и кое-где кое-где подпалены огнем. Одет он был скромно. Поношенный дорожный плащ, льняные штаны и кожаные сапоги. Йорвин частенько выбирался из селения по поручениям Торвальда. Он охотно брался за доставку заказов на дальние расстояния, тем более, что за нее можно требовать дополнительную монету. Путь его лежал через долину Мохрем, стелившуюся на несколько лиг душистым покрывалом. А с наступлением темноты зажигались тысячи светлячков, подобно спустившимся на землю звездам.

Под утро другого дня Йорвин добрал до перекрестка. В этом перекрестке сходятся две дороги, одна начинается у подножия Серой гряды и идет через Митриум и выходит к заливу Южный Риф. Вторая идет от пустыни Наби – Гешан до тундр Гестории. На перекрестке стоял трактир «Тупой клинок» – трехэтажное здание, напоминавшее пирамиду. На первом этаже непосредственно таверна, на втором – комнаты для ночлега, на третьем – помещения для важных персон.

Йорвин вошел в питейное заведение. Над трактирщиком висел массивный двуручник во весь человеческий рост, и явно не новый, судя по зазубринам на лезвии. На эфесе был выгравирован корень мандрагоры. Этот меч принадлежал трактирщику Тулбору, в прошлом могучему воину, но сейчас состарившемуся и весьма раздобревшему во всех смыслах. Тулбор знал Йорвина и его отца. Торвальд в молодости ковал оружие и обмундирование для Тулбора и прочих клиентов, и этот меч не был исключением, ставший теперь символом Трактира. Они с Торвальдом захаживали сюда, когда дальний заказ вел их по дороге в Митриум и дальше.

– Йорвин, твою кобылу, ты ли это?! – воскликнул толстяк Тулбор. – Сколько лет! Как сам, как батя?

– Спасибо, не хвораю, Торвальд тоже здоров. Ха! Да чтобы Товальду, да заболеть нужно, чтобы все медведи в лесу разом удавились.

– Ха – ха! Надо же вымахал, едва в дверь пролазишь, а ведь когда я тебя видел в последний раз, ты был на пол – головы ниже Торвальда!

– Ты тоже, я вижу, не голодаешь. Ишь, как тебя разнесло! – с улыбкой заметил Йорвин.

– Да –а, – отмахнулся трактирщик. – Это только с виду я такой толстый и счастливый. Налоги меня скоро удавят. Налог за владение питейным заведением, налог за владение постоялым двором, налог за придорожное положение. Везде плати, плати, плати, плати, а делать это все труднее и труднее. Я ведь все-таки один здесь хозяин. А налоги все растут.

Все верно. Трактир находится на территории Митримумского графства, а значит должен платить сеньору налог. Йорвин кивнул и еще раз окинул трактир оценивающим взглядом.

– А не найдется ли у тебя, добрый человек, хлеба для господина Устал -и- Голоден?

– Найдется? Конечно, найдется! Все, что хочешь, найдется, если звонкая монета у клиента... найдется. Хотя для тебя я мог бы сделать скидочку по старой дружбе. Итак?

– Есть у тебя что –нибудь мясное?

– Есть баран свежепожаренный, с корочкой. Пальчики оближешь.

– Тащи быстрее – исходил слюной Йорвин. – И еще браги с лимоном, – добавил он и пошел к столику ждать заказ.

В тот момент, когда он уже расположился за ближайшим к окну столиком, в таверну вошли трое парней эльфийской наружности. Многие деревенские принимают полуэльфов за настоящих эльфов, только по той причине, что никогда не видели настоящих, а имеют лишь смутное представление, опираясь на слухи да байки с домыслами. Полуэльфы – это плод соития эльфийской девы с человеческим мужиком. Такое имело место в далекие времена, когда объединенные силы гномов и людей не могли ничего противопоставить эльфийским боевым магам в развязавшемся конфликте. Потерпев сокрушительное поражение, людям и гномам пришлось выполнять самые унижительные требования победителей, дабы установить хоть шаткий, пусть временный, но мир. Помимо прочего, им пришлось выделить некоторое количество рабской силы, дабы те ублажали самые низменные прихоти эльфийской интеллигенции. Соитие с человеком или гномом считалось у эльфов сексуальным изыском и приравнивалось к другим половым изощрениям. Поэтому совершались они тайно, а если эльфийке случалось неудачно забеременеть после, то все так же тайно или в сопровождении ближайших доверенных слуг эльфийская мать рожала ребенка, от которого немедленно избавлялась, дабы не заклеить себя позором. Убивать младенцев с эльфийской кровью в венах считалось дурным тоном, так что несчастных детей попросту подкидывали людям. С детства страдая от насмешек и издевательств со стороны людей, полуэльфы вырастали мнительными, жестокими и спесивыми, сбивались в малые группы и наводили ужас на любых потенциальных обидчиков. Имея сходные с эльфами признаки, полуэльфы тем не менее рождаются с неизменным и ярко выраженным случайным уродством. Или с несколькими – как повезет. Это, тем не менее, не лишало их эльфийского долголетия и магического таланта. Полуэльфы вошли в трактир с таким видом, как будто это ОНИ здесь хозяева. Откуда они тут взялись – загадка, и что делают – тоже. Полуэльфы шли, выпятив грудь колесом и чеканя шаг. Выглядело это, надо сказать, ни – ни. Все трое были одинакового невысокого роста, одинаковой, не шибко выдающейся комплекции и даже одеты одинаково безвкусно. Но по одному отличительному признаку у них все же было. У первого были лопухие уши, что в сочетании с эльфийской остротой кончиков выглядело странно. У второго были карие глаза, приковывавшие к себе взгляд своей неестественной дальностью друг от друга. У третьего губы уж слишком выдавались вперед, как будто он их нарочно выпячивал. У всех с собой были сумки. У губастого же был за спиной огромный мешок, и явно тяжелый. Полуэльфы заказали самое дорогое вино с Верндальских угодий сорокалетней выдержки. Сорок шесть градусов, атрофирует голову и тело с беспощадностью рока.

Наконец, Йорвину подали заказ. Ароматный баран дымился и истекал соком. Приправленный черным и красным перцем, базиликом, петрушкой, куркумой, и политый чем – то фирменным, с любовью от Тулбора. А через минуту официантка принесла на серебряном (или посеребренном), до зеркальности начищенном подносе две пинты ароматной пенящейся браги и удалилась, соблазнительно покачивая бедрами.

Йорвин принялся за еду, а полуэльфы стали вливать в себя стаканы за стаканом, пронося пышные тосты, употребляя какие-то эльфийские слова, которые где-то услышали, и вещая только им понятные и смешные анекдоты. После третьего остроухие стали понемногу теплеть, а после пятого не могли уже ничего кроме как по пять минут смеяться над вырвавшимися, ни селом, ни городом забредшими в их буйные головы словами непонятного содержания.

Поначалу Йорвину было не особо интересно наблюдать за пьяными. Пьяниц и в его селении было более чем достаточно. Но он и знать не знал, что на полуэльфов алкоголь действует куда сильнее, чем на людей, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ни с того, ни с сего, троица повставала со своих мест и принялась двигать мебель. Это было одно из тех явлений, описать которые можно только в прозе. Весь трактир наблюдал за тем, что творилось с круглыми глазами и вытянутыми лицами, не зная, как на это реагировать. Полуэльфы, предположительно, старались зачистить только один угол трактира, толкая столы, и поскальзывались на ровном месте, тыкаясь клювом в стол, и спотыкаясь о стоящие

под ногами стулья. Ушастого каким – то троллем понесло к камину, и тот стал трогать угольки в еще полыхающем очаге, систематически отдергивая руку, и говоря «ай». Наконец он выбрал более-менее остывший, и с довольным лицом прямо на стене нарисовал четыре неправильных круга друг в друге, один меньше другого.

– Э-э-эй – эй вы чего это вытворяете? Немедленно сотрите, а то как штрафану! – очнулся Тулбор.

– Ты, хзяин... так не шути... Ик, – заплетающимся языком отвечивал губастый, после чего махнул рукой со сложенными в затейливый жест пальцами в сторону нарисованной мишени. Порожденная разрушительной магией молния врезалась прямо в центральный кружок, чуть не подпалив всю стену, и издала оглушительный хлопок. Тулбор отшатнулся, схватившись за сердце, и осел на заботливо подставленный официанткой стул. Полуэльф кинул жест победителя, кивнул друзьям, схватил стоявшую на стойке бутылку с вином, и залпом осушил ее. Некоторые посетители начали убежать в ужасе с места творения магии. Другие молча серели. Настала очередь другого. На этот раз волшебный снаряд попал чуть левее центрального круга. Губастый попытался поаплодировать своему товарищу, забыв о бутылке в руке. Та выпала из его рук и разбилась. Третий примерялся дольше всех. Видимо, он и набрался приличнее. Наконец замахнулся, чтобы колдануть, но споткнулся об осколки разбитой бутылки. Его молния полетела совсем не в ту степь. Скрикошетив от светильника, молния зарядила прямо в кружку с брагой, которую добивал Йорвин. Кружка разбилась, и остатки браги оказались у Йорвина на штанах.

Это был залет. Йорвин посмотрел на виновника сквозь дыру в кружке, указал на нее пальцем, и покачал головой. Далее случилось то, чего ждал весь трактир. Йорвин встал во весь свой одиозный рост и схватил первое, что попало под руку. А попался поднос. И весьма кстати. Полуэльфы быстро смекнули чем пахнет, несмотря на хмель, и двое из них стали метать в Йорвина взрывные заклинания. Посеребренный поднос служил щитом, и отражал искры в потолок. Губастый полез в свой мешок, и извлек оттуда щит и меч. Боец. Этот не лыком шит. Тем временем Ушастый словил подносом по голове, успокоившись до утра. На подносе осталась приличная вмятина в форме головы, а сам он погнулся, и был уже явно не годен для выполнения своих прямых обязанностей. Используя свою недюжинную силу, Йорвин догнул поднос вдвое, затем вчетверо, и метнул его как диск в широкий лоб глазастому. Точное попадание, предсказуемый эффект. Остался один. Йорвин медлить не стал. Ударом с локтя он обратил щит полуэльфийского выскочки против него самого. Скорость помноженная на силу сработали не в пользу полуэльфа. Его краткий полет в стену закончил вечернюю заварушку, и вернул трактиру тишину. По крайней мере до утра.

– Спасибо Йорвин, ты просто спаситель! – воскликнул Тулбор. – За твои подвиги я снимаю с тебя плату за ночлег и выпивку. Хотя за барана придется уплатить. Уж извини. Бизнес есть бизнес.

– Понятно. И на том спасибо. Да и вот что еще. Отправь кого-нибудь в ближайший дозор. Пусть пришлют конвой. Насколько мне известно, применение магии в общественных местах – это статья, – Тулбор согласно кивнул.

– Лупись оно конем, выглядит, как будто обмочился! – Ругался Йорвин, выходя во двор. Пол – ночи он замывал в бочке свои штаны, липкие от браги. А потому лег поздно, а когда встал, дебоширов уже забрали.

Йорвина разбудило солнце, добравшееся до его головы, и по – летнему настырно припекавшее. Штаны высохли, настроение было отличное, можно было продолжать дорогу. Йорвин спустился в трактир, расплатился с хозяином за барана, сделал ручкой официантке и ушел.

На улице было тепло и пели птички. Один из постояльцев готовил повозку в путь. Невысокий, широкоплечий мужчина с рыжей бородой, толстыми мускулистыми руками и широкими ладонями. Гном взваливал последний, железно гроыхавший тук в повозку. Йорвин

сметнул, что на повозке доехать до города побыстрее будет, да и поприятнее. В добавок, Йорвин знал, как завоевать уважение гнома, а заодно и похвастаться.

– Приветствую коллегу! – улыбнулся он. Его собеседник едва доставал ему до пояса. Чтобы посмотреть в лицо Йорвину, ему пришлось так выгнуть короткую шею, что она аж захрустела. – Я вижу вы отправляетесь в...

– В Митриум. А вы тоже занимаетесь работой по металлу?

– Зарабатываю на хлеб. Кую мечи, топоры, кольчуги. Лучшие в этих краях!

– Прощенья прошу! – поднял палец гном так, как будто Йорвин затеял шутить о бородах. – Всеу цивилизованному миру известно, нигде нет человека, чье мастерство сравнилось бы с мастерством подгорных оружейников.

– Возможно, ваши мастера в совершенстве владеют искусством изготовления огнестрельного оружия, но мои работы без всякой скромности можно назвать лучшим ХОЛОДНЫМ оружием. Оцените, – Йорвин достал свой кинжал, который он сковал уже два года назад, и протянул гному. Тот принял оружие, как будто то был не кинжал мастера – кузнеца, а кусок бесполезного железа, но как только он вынул его из ножен, его брови медленно поползли вверх. Гном повертел клинок на ладони, поцарапал им палец, почесался и воскликнул:

– Во имя бороды Голдрафа, царя гномов, да не споткнется он об нее никогда! Это лучший клинок, который я видел в последние пятьдесят лет! Равновесие идеальное, клинок ложится в руку как родной, а лезвие способно разрубить волосинку, пущенную по ветру! Болдрин, сын Олдрима к твоим услугам! – произнес гном и с торжеством на лице вернул Йорвину кинжал. Если гном называет незнакомому человеку свое имя – быть железной дружбе. А если гном первым назвал имя своего отца, можно считать, что он чуть ли не в ноги готов падать. А гномы-то народец гордый.

– Йорвин, сын... Торвальда, – неуверенно произнес Йорвин. – Да и вот что еще, уважаемый, не подбросите меня до города?

– С радостью, мастер Йорвин, – ответил Болдрин. – Полезайте.

Всю дорогу до Митриума гном жужжал про свою родню, обитавшую в подземной глубине. Про то, как по достижению тридцати лет родители отправили его на рудники. Люди не представляют, как можно свое дитя отправлять на каторгу. Туда они отправляли лишь самых отпетых ублюдков и мерзавцев, но у гномов это был обязательный обряд посвящения в мужчины. Каждый юноша – гном, по достижению тридцати лет отправлялся на обязательные рудниковые работы, где прибывал три года. Оттуда он возвращался мускулистым и бородатым мужчиной. Потом Болдрин рассказывал о том, как он выбрался из-под горы в ближайшее людское государство торговать тем, чем богат его народ, а именно агрегатами, которые гномы называют "мушкетамы". Оснащать мельницы паровыми механизмами, которые работают быстрее ветра, позволяя мельнику заготавливать больше муки. Он сооружает также "паровые жнецы", которые помогают без особых усилий собрать урожай, обеспечивая человеку спокойную зиму и широкую улыбку на лице. Разумеется, такое стоит недешево, и некоторые деревни собирают все ценности с брата, лишь бы хватило. В общем, Болдрин был в зените успеха. И неизвестно, каковой была бы его жизнь, не покинь он родину.

Йорвин слушал его вполуха. Мерная тряска повозки нагнала на него дрему, и он провалился в сон с мыслью, что неплохо было бы оснастить Холрен чудесами гномовской инженерии.

Йорвину приснилось, что он оказался в комнате как две капли воды похожую на гостиную его и Торвальда дома. Только в этой комнате не было ни окон, ни дверей. Вместо мебели в центре стоял небольшой столик и стул, а на столике – свеча и тарелка. Йорвин сел на стул, зевнул, прикрыв ладонью рот, и с удивлением обнаружил на ладони свой зуб. Он положил его на тарелку, и вытащил второй потом третий. И так, пока во рту не осталось зубов вообще, а на тарелке лежали тридцать два зуба. И вдруг зубы провалились и утонули в тарелке, и Йорвин заметил, что зубы снова на месте. И это снова повторилось, потом еще и еще. И наконец, когда

Йорвин уже сбился со счета утонувшим в пустой тарелке и вновь вернувшимся в рот зубам, как на тарелке стали появляться уже вовсе не человеческие зубы. Это были клыки свирепого хищника. У Йорвина по позвоночнику прошел озноб. Он вскрикнул и вскочил, опрокинув стул. Он решил, что проломит стену, но выберется из этой страшной комнаты. И только он об этом подумал, как сон закончился.

Йорвин дернулся и проснулся весь в холодном поту. Оглянулся и понял, что это не более, чем сон, хотя такие сны еще не снились ему никогда. Хлопающий глазами и отдувающийся великан привлек внимание Болдрина.

– Что? Кошмар что ли? Бывает. Мы уже, кстати, недалеко от Митриума.

Всю дорогу до Митриума Йорвин не мог отойти от пережитого потрясения. Никогда прежде сны не занимали его голову дольше времени сна. Но этот сон не был обычным. Он был столь неоднозначным, сколь его шрам, столь же таинственным, сколь его детство.

До города доехали к ночи. Тут их с гномом пути разошлись. Болдрин направился по городской окраине, а Йорвин в сторону центра. В город стража пустила их без вопросов. Йорвин кует им мечи и кольчуги, неоднократно хваленые капитаном стражи. На распутье Йорвин простился с гномом.

– Ну, доброго пути тебе, мастер Йорвин.

– Ни руды, ни алмаза вам, мастер Болдрин, – продекламировал Йорвин старую гномскую поговорку.

– В горн! – рутинно, но с выражением отвечивал гном, тронул коня и засвистел какой-то гномий мотив.

Повозка Болдрина исчезла за углом, и Йорвин отправился на поиски места встречи с заказчиком. Им был монах Сиртама. Монахи – таинственный народ. Таинственный отчасти потому, что мало у кого хватает смелости или наглости просто подойти и спросить монаха, что он тут шляется, или имя, место жительства, почему не на работе. Ибо известно совершенно точно; монахи – превосходные бойцы. Они владеют тайным боевым искусством Таг-Табо и в ближнем бою им нет равных. Ты только – было замахваешься, чтобы атаковать, как обнаруживаешь свои руки – ноги связанными морскими узлами у себя за спиной. Тем не менее, никто никогда не видел, чтобы драка с монахом кончалась летальным исходом (разумеется, не со стороны монаха) потому, что эти парни по своим религиозным убеждениям не могут позволить себе убийство. Монахи очень часто появляются тогда, когда их не ждешь там, где ты их не ждешь, чинят разгром и исчезают как чихом сдутые. Но на сей раз у Йорвина с монахом по имени Сиртама была назначена деловая встреча.

В самом городе Йорвин бывал редко. В частности, в этой части, как горожане его называют, Желоб, он был впервые. Это были типичные трущобы, которые населяли, в основном, разномастные отбросы общества. Воры, бандиты, аферисты и жулики плодились здесь гуще, чем тараканы в местных домах и пригород для них – лучший притон, чтобы залечь. Но нельзя сказать, что тут живут лишь отморозки. Честные, но не очень успешные ремесленники здесь тоже водятся. Но работают они в деловом районе. В общем, Желоб – это темное место на карте города. Место дешевое, но некомфортабельное, и никаких гарантий безопасности.

Йорвин шел по улице и озирался, недоумевая, зачем Сиртама назначил встречу именно здесь. Неужели не мог он найти место поспокойнее, и почему бы ему вообще не приехать за своим заказом самому. Желоб производил впечатление крайне отталкивающее. Покосившиеся от старости и почерневшие от погоды и прочих неприятных факторов лачуги, бараки и двух – трехэтажные кирпичные хибары были понатыканы без всякого строя. Но между ними шла вполне широкая дорога, на которой, не теснясь, могла бы проехать повозка. Вдоль дороги шлепались местные пьяницы, бродяги. Калеки сидели на порогах, и смотрели волком вслед проходящему чужаку. Со всех сторон временами раздавался лай и скулеж паршивых псов. В ноздри

била вонь нечистот из выгребных ям. Дым печей и каминов не поднимался, а наоборот, опускался, растеливаясь по земле, и клубясь под ногами.

Наконец, перед Йорвином возникла вывеска трактира "Мрачное небо". Сие строение не выделялось на фоне прочих ничем, кроме как было чуть покрупнее. Это было такое же рубленое здание, посеревшее от времени и прочих факторов, двухэтажное, с маленькими окнами и на первом, и на втором этажах, и навесом над входом. Внутри пахло жареными грибами и пивом.

Йорвин вошел, наклонив голову, так как дверь была довольно низкой, и даже человек среднего роста, мог бы достать макушкой до косяка, если бы встал на цыпочки. Было видно, что хозяин возводил строение сам, сэкономив на профессиональной рабочей силе. Скорее всего, он возводил его с помощью сыновей, племянников и прочих родственников.

Хозяин таверны был низенького роста, особенно по сравнению с гигантом Йорвином, который возвышался над ним как гора, худой невероятно, коротко подстриженный и пепельно-новолосый, с щенячьим взглядом, на котором остались отпечатки долгой и непростой жизни. В общем, полная противоположность своему коллеге, Тулбору.

– Вечер добрый, молодой человек, – Начал трактирщик вежливо, но в его сухом голосе чувствовалась настороженность. И ведь кто был бы не насторожен, если бы в его заведение ввалился чужак угрожающей наружности, наверняка способный раскидать десяток крепких молодцев голыми руками.

– Добрый, – Мрачно ответил Йорвин, которого дорога до трактира лишила последних капель хорошего настроения. Отчего выражение его лица представляло собой невесть что. – Я тут одного человека ищу. Не останавливался ли здесь некто Сиртама?

Брови трактирщика сошлись. В его голове роились весьма противоречивые мысли. С одной стороны нельзя выдавать клиента неизвестно кому. Это запрещает кодекс порядочного трактирщика, вдруг это убийца? С другой стороны, монах в состоянии оборониться. А может выставить его? А если заартачится, полезет с кулаками? Зубов не соберу, всю жизнь на лекарства работать буду... если повезет. Такие примерно мысли копошились у него в голове, в то время как Йорвин их считывал с лица собеседника.

– Нет, я не убийца, не надо на меня так смотреть. Я просто странствующий торговец, а он – мой странствующий покупатель, – Йорвин попробовал сделать что – то вроде миролюбивой улыбки. Надо сказать, получилось не очень.

Брови трактирщика начали расходиться. Его немало удивило сходство своего лица с легким чтивом.

– Я не знаю, куда ушел уважаемый Сиртама, но он не расплатился за еду и постель, и вдобавок, при нем не было вещей.

Блестяще. Еще и ждать его тут. Негодование Йорвина сменилось раздражением. И вдобавок, он уже проголодался. Поняв, что сию минуту он клиента не увидит, решил перекусить и заказал хлеб с маслом. Кусков шесть – семь, не надо обжираться. И кваса кружку – другую.

Йорвин сел за столик, который счел наименее грязным. Трактирщик, в отличие от расторопного Тулбора, работал без официантки, а потому некоторую неухоженность можно было простить. Через несколько минут заказ принесли, и Йорвин принялся его уничтожать. Когда кружок с хлебом и кружки опустели, жизнь наладилась. Можно было и подождать.

И тут только Йорвин заметил шумную компашку в углу и принялся ее изучать. Гул за столиками перерастал в настоящий гвалт и улюлюканье. Хозяин посмотрел в ту сторону, и пожал плечом, дескать, пускай, так и надо, все оплачено. Йорвин понял – наемники. Наверняка вернулись с какой – нибудь охоты на хищное зверье, посягавшее на кур в каком – нибудь хуторе.

И вот они устроили поединок по рукоборству на выпивку. Типичный досуг наемников. Один из них был изрядно крупнее своих товарищей, и клал их почти как детей. Очередной

побежденный буян встал из-за столов и долбанул несколько раз по стене кулаком, дабы выпустить пар. И тут заметил Йорвина, и хищно улыбнулся. Подойдя к кузнецу, он начал:

– Дружище, ты выглядишь так, будто можешь за себя постоять, не станешь моим компаньоном? Надо забороть вон того здорового жлоба. Он спьяну вякнул, будто отдаст свою выручку тому, кто его победит в рукоборстве. Только он внатуре силен. Поверь, я знаю. Но ведь ты тоже не лыком шит, я прав? Завали ентого борова, и мы честно поделим его деньги.

Причин протестовать у Йорвина не было. Он ничего не терял, но это был прекрасный способ убить время.

– Ребят! – возопил новый компаньон Йорвина, – К нам только что пришел мой двоюродный брат, Авгор. И он говорит, что положит Родана как два пальца! Подыграй мне, – Шепнул он углом рта Йорвину. Тот скорчил жестокое выражение лица и кивнул.

Йорвин нечасто встречал людей крупнее и сильнее себя, но этот Родан был именно из таких. Йорвин смотрел ему в подбородок. То был исполин, чьи руки были толщиной с молодое деревце, и, несомненно, могли его сломать без каких-либо дополнительных приспособлений. Родан был не дурак поесть, судя по массивной подушке на брюхе. Его голова была начисто выбрита, но на лице были коротенькие усы и бородка.

– Так ты брательник Ирче? Тады, поглядим, так ли ты силен, как он о тебе вещает, – Прогремел он, поднявшись.

Йорвин собрал волосы в хвост, похрустел пальцами, спиной, шеей, и сел за столик напротив Родана. Тот предпочел не тратить время на это.

Два дюжих детины схватились руками, один из соратников Родана взял на себя роль судьи и начал отсчет.

– Три, два... один...

И как только он опустил руку, начался поединок. Как таран встречается с воротами крепости, так встретились две силы, каждой из которых за глаза хватит, чтобы гнуть подковы, ломать кости и вышибать дубовые двери.

Йорвин перестал чувствовать себя таким уж сильным с этих пор, но и его оппонент понял, что перед ним в кои-то веки по – настоящему достойный противник, и внушивший ему идею похвастать своей силой хмельной дух стал быстро рассеиваться, как бы трусливо сбегая. Их поединок длился уже пять минут, и тут силы Йорвина начали иссякать, хотя залитое потом, красное лицо его соперника говорило и о его измотанности. И вот исполин Родан стал брать верх. Оглушительный галдеж, не смолкавший на протяжении почти шести минут перерос в рев водопада. А дальше случилось то, что каждый из видевших понял по-разному. Йорвин встретился глазом с Роданом. Другой глаз залило потом, его пришлось закрыть. И вдруг таинственная сила его шрама вновь дала о себе знать. Родан, чье лицо было красным как раскаленная сталь, вдруг стало мертвенно-бледным, все волоски на его бороденке встали дыбом, его глаза стали круглее монет в его кошельке. Позже он признается, что так и не понял, чего испугался, и расскажет, будто сперепугу ему показалось, что глаз его соперника по рукоборству, устремленный на него был совсем не человеческий. То был глаз невиданного чудовища, которое спит и видит, как бы высосать из кого-нибудь душу. Богатырь Родан Непобедимый, лицо отряда наемников был в тот день повержен неизвестно кем по имени Авгор, в котором, как некоторые скажут проснулось демоническое начало. Другие скажут, что в его меркантильном сердце открылось второе дыхание, и, якобы, ради денег он мог в тот момент забороть кого угодно.

Оба рукоборца тяжело дышали. У обоих были круглые глаза. У Родана от пережитого ужаса, горечи поражения и утраченных денег. А Йорвина мучили вопросы: КАК? Как он мог вдруг победить, если его поражение казалось вполне закономерным и неминуемым. КАКОВА природа таинственной силы, что проявляется в нем все чаще? И ЧТО он такое? Наверняка не обычный человек. Йорвин очнулся от раздумий и обратился к Родану:

– Ты проиграл, мужик, раскошеливайся.

– Ты не мог меня забороть, ты колдун. Обойдешься, я не веду дел с шельмами и магами. – недружелюбно уперся Родан.

– Ты продул и должен мне денег. Лопатник открыл, я сказал! – Йорвин начал закипать. Окружающие предпочли не вмешиваться в их спор. Новоявленный победитель в состоянии справиться сам.

– Хм... катись ты колбасой, кость лобковая!

Этого было более чем через край. Хоть у Йорвина и был спокойный нрав, но такого отношения он не терпел. Он с крайне мрачным видом кивнул, и сделал вид, что уходит без денег, но это был обманный маневр. Он только готовился нанести удар, и ему нужно было пространство для разгона кулака. Резко развернувшись, Йорвин без предупреждения нанес Родану сокрушительный удар в челюсть. Удар был столь силен, что нечестный борец рухнул навзничь вместе со стулом и ударился головой о стену. Словив такую зуботычину, да еще и сильно ударившись затылком, великан лишился чувств. Йорвин стал обыскивать тело, и вскоре из кармана пузатый мешочек с монетами. Открыв его, Йорвин увидел гонорар наемника, весь серебром. Весьма довольный собой, Йорвин сунул несколько монет Ирче, стоявшему выпучив глаза и открыв рот, и вернулся на свое место. Спать ему не хотелось, и он решил, что дождетсся Сиртаму, сидя за столом... и подпершись локтем. А часы тянулись и тянулись...

– День добрый, – прозвучал в трактире спокойный суховатый голос. – Да именно день, так как уже давно не утро.

Йорвин поднял голову, и с удивлением обнаружил, что продрых прямо на столике часов пятнадцать, нащупав у себя на щеке рубец от долгого лежания на твердой деревяшке. За его столиком сидел человек, чей возраст почти невозможно определить. Можно лишь сказать, что он колеблется от тридцати до шестидесяти. У этого человека были серебристые волосы, чуть подлиннее, чем у трактирщика. Его глаза были зеленого цвета. В этих глазах читался опыт долгих странствий. Лицо его, ясное и добродушное, внушало какое-то безотчетное доверие. Прямой и спокойный взгляд, выдавшего вида человека, мог успокоить любые бури в душе. Одет он был в просторное серое кимоно и такого же цвета шаровары. На ногах его были обычные суконные башмаки, весьма поношенные.

– Прошу меня извинить за мою задержку. Я слушал музыку вселенной почти трое суток, находясь в храме Всех Богов, и выйти из состояния транса я смог буквально несколько часов назад, столь она прекрасна.

– Да что вы, – качнул головой Йорвин, еще не до конца проснувшись. Он уже собрался высказать монаху все о его храмах и трансax, но вспомнил простую субординацию продавца с покупателем "клиент всегда прав", и притух. А Сиртама продолжил:

– Знаете, я люблю тихие места, где меньше всего народу; смутьянов, сплетников и ханжей я особенно не люблю. А это место выглядит тихим. Да и совсем недорогим, – Йорвин про себя усмехнулся. – Но ближе к делу, будьте любезны, покажите мне то, зачем мы встретились.

Йорвин полез в сумку и извлек свой дневной и ночной труд. Он протянул монаху безупречно выделанный посох из вековечного дуба с серебряным набалдашником на конце.

– Посох – трансформер со стальным стержнем и серебряным набалдашником, – стал объяснять Йорвин, – Все строго как на вашем чертеже. Поворачиваете кольцо посередине, и посох превращается в тойшен. Монах принял работу мастера и стал с любопытством ее разглядывать. Было достаточно легонько повернуть кольцо посередине посоха, как он становился двумя жезлами, соединенными стальной цепью. На конце одного из жезлов находился тяжелый серебряный шарик размером с яблоко, легко ломающий вражьи кости любой крепости, находясь в умелых руках, или калечащий своего криворукого, художилого владельца.

– Не думайте пожалуйста, что кольцо слишком легко повернуть. В бою это вас не подведет, а скорее, выручит. Я ручаюсь.

Сиртама перестал разглядывать обнору и протянул руку Йорвину. Тот пожал ее.

– Мой поклон мастеру Торвальду, – молвил монах, встав. Про то, что Торвальд приложил руку к изготовлению этого оружия не больше, чем эльф к чистке каналов, Йорвин решил скромно умолчать, – Так, сколько вы просите за свою работу?

– Двадцать серебряных нециев авансом, значит, сорок золотых тиллиев, – Монах кивнул, и положил перед Йорвином мешочек золота. Пока Йорвин пересчитывал плату, заказчик испарился.

Не видя смысла дольше задерживаться в этом заведении, Йорвин направился в обратном направлении. И снова налет радости за успешно выполненное дело и денежное вознаграждение был смыт с лица юноши убожеством и отвратностью этого района. Отовсюду веяло запахом выгребных ям, пополнившихся продуктами прошедшей ночи. Йорвин недоумевал, как люди могут жить в таком убожестве, уподобляясь свиньям.

"БУМС"

Разум Йорвина погас прежде, чем он успел понять, что его чем – то ударили по затылку. Но удар, по счастью, был не слишком силен, и уже вскоре Йорвин обнаружил, что его куда – то тащат за ноги. Ушибленное место заняло как только он открыл глаза. Его тащили двое каких – то отморожков глубже в подворотню. Сейчас, наверное, будут грабить. Ничего удивительного в этом не было. Веслоухий деревенщина из дальнего хутора в крупном городе сияет поярче, чем полыхающее чучело Зимки в праздник Солнцеворота. Пока Йорвин пытался собрать осколки сознания, разбойники переговаривались.

– Блин, какого хрена он весит целую гору? Я уже замонался его переть!

– Заткнись! Задолбал канючить. Вон виш, уже и урода етого разбудил своим нытьем.

Йорвин мог бы поклясться, что голоса ему знакомы. Развить свои догадки ему не дали. Один из грабителей подошел и от души заехал Йорвину в глаз кулачищем. Юноша вновь очнулся когда его обступила целая рота негодяев. Отморозки затащили его глубоко в подворотню под навес, возле которого их дожидались... именно те наемники из трактира.

Навес был широк, а под ним находилась дверь в подвал. Один из наемников открыл дверь и отошел в сторону, пропуская своего командира. Из подвала вышел человек высокого роста, но чрезвычайно худой, почти скелет. Кожа бледная до невозможности. Под глазами пролегли черные тени. Пальцы его были длинные и тонкие, с длинными острыми ногтями. А глаза его... Глаза его были черны как ночь, и выглядело это столь жутко, что у любого человека пошел бы холод по спине. Несомненно, субъект этот был самым настоящим вампиром. Вампир заговорил:

– Тот самый, который ободрал Родана давешним вечером. Опрометчиво и нахально с твоей стороны.

– Не говори мне, кто я, и я не скажу, куда тебе идти, – ответил Йорвин, чем немало разозлил вампира. Тот одной рукой схватил Йорвина за ворот рубахи и поднял над землей.

– Сопли длинны мне дерзить, мальчишка! – прошипел тот, после чего швырнул юношу в груды гнилых досок как мешок с соломой, – Обыскать его.

Тут прихвостни кровососа вытащили Йорвина из груды мусора и стали урывать его ногами, как можно. После чего вывернули все карманы и выпотрошили сумку. Когда дело дошло до выручки, по толпе прокатились довольное ржание и свист. Таких "везучих" дней, как этот на памяти Йорвина еще не было ни разу.

– Вот уже девяносто лет я живу в Митриуме, и почти столько же команду отрядом рубак. Состав, конечно, уже не раз сменился. Да, я, как ты понял, вампир. Паразит, кровосос и все такое. Такой взгляд, я видал уже сотни сотен раз. Но ответь мне вот, что. Что было бы здесь, не будь меня? Население Митриума – более трехсот тысяч душ, и это при моем сожительстве. Хотя, твое мнение меня не интересует, ведь жить то тебе осталось всего ничего.

В среднем мужчине почти полтора галлона крови, которые я могу выпить за десять секунд. На тебя же уйдет двенадцать – тринадцать. И от тебя останется лишь сморщенный трупик, который я повешу на стену у себя дома, – облизнувшись, добавил вампир. И никакая сила не спасла бы Йорвина от кошмарнейшей смерти, какую только можно представить, если бы в этот момент один из наемников не свалился мешком на землю. Все синхронно повернули головы и увидели монаха, крутящего тойшен в руке, и явно настроенного на драку.

Не дожидаясь, пока массовый синдром лупоглазки пройдет, Йорвин вдарил стоящему справа громиле локтем в пах, а затем добил апперкотом. Лоб слева получил головой в челюсть и отправился спать. И тут в потасовку вступил Сиртама. Новое оружие монаха работало так, будто всегда принадлежало ему. Молниеносно раздавая синяки, переломы и выбитые зубы, Сиртама не забывал работать ногами и крутился как взбесившийся волчок, что делало его еще более неприступным. Йорвин помогал ему, раздавая увесистые помордники налево и направо, и совсем забыл о вампире. А не стоило.

Все также оставаясь в тени, он дождался момента и схватил Йорвина армейским захватом сзади. Еще несколько секунд, и для Йорвина все бы закончилось, каким бы уникальным он ни был. Шум драки заглушил крик морнаха "Крутанись!". Поняв все в буквальном смысле на лету, Йорвин сделал как велел Сиртама на девяносто градусов. Сиртама, парящий над изрядно поредевшей толпой негодяев засадил вампиру пяткой прямо в висок. Вместе с Йорвином они пролетели шагов десять, вылетев за пределы навеса на освещенную солнцем землю. Тут вампиру стало не до чего. Он заорал так истошно, насколько это вообще возможно. Его тело задымилось и покрылось пузырями, лопающимися и превращающимися в страшные ожоги. Волосы отваливались от головы вместе с кусками кожи, из глаз брызнул гной. Вампир орал и катался по земле в агонии, пока ему было чем кататься и орать. В конце концов, от него остался лишь скелет в дымящейся луже слизи.

Лишенные головы мерзавцы уже не могли дать заметного отпора, и вскоре, большинство легли на обе. Остатки разбежались, скуля и поджав хвосты.

– Как вы вовремя, Сиртама. Я у вас в долгу, – произнес Йорвин, поднявшись и отряхнувшись, переводя дыхание.

– Хорошие дела, как и хорошие люди, не имеют цены и не должны оплачиваться, – Сиртама не только не запыхался, но даже ничуть не вспотел. – Думаю, дальше вы как – нибудь без меня.

Сиртама вновь растворился в воздухе, а Йорвин принялся обыскивать стонущие тела своих грабителей и отбирать у них изъятые, не забывая, конечно, по возможности, собирать штрафы за наглый наезд.

А за городской стеной бушевали сильные северные ветры. Погода за что-то была расстроена и зла на наземных жителей, не в пример вчерашнему погожему дню. А ближе к закату времени и вовсе налетели тяжелые тучи и хлынул ливень. Йорвин умудрился промокнуть даже в своем непромокаемом кожаном плаще с капюшоном. Настроение было крайне мрачное. В голову лезли нехорошие предчувствия и мысли. Йорвин даже не стал задерживаться в "Тупом клинке", а направился домой на полном ходу. Добрался, тем не менее, к ночи, но погода не исправилась. Сперва, его встретил запах дыма, перебивавший запах дождя. Логика подсказывала, что ничего хорошего это не сулит. Логика оказалась права. Затем его встретили огни, мерцавшие меж стволов сосен. Йорвин просто знал, что дела очень плохи, и не стал лезть на рожон. Он решил обойти по опушке, и сперва все как следует разнюхать, а потом решать, что делать дальше. Так он и сделал. И первое, что он увидел, было огромное скопище чудовищ в полтора человеческих роста, прямиком из ада. Зубастые хари, покрытые оспинами и коростами горбатые спины, с торчащими костяными шипами и осклизлые когтистые лапы с клешнями были столь отвратны, что на них невозможно было смотреть без рвотного позыва. Среди этих отборных уродов была лишь одна человеческая фигура. Видать, их хозяин, судя по тому,

как они трепещут перед ним. Этот человек, закутанный в темный балахон с капюшоном, махал руками и ругался, раздавая тычки своим слугам, а за их спиной горела яростным огнем родная деревня Йорвина.

Тысяча мыслей, острых как бритвы пронзили разум Йорвина: "КТО?", "ЗА ЧТО?", "ВСЕ ЛИ ПОГИБЛИ?", "И ЧТО ДАЛЬШЕ?". И оттого, что на вопросы эти у него не было ответа, становилось только хуже. От потрясения, потеряв чувство реальности, Йорвин наступил на сухую сосновую ветку, которая не замедлила громко хрустнуть у него под сапогом. У чудовищ, видимо, был отличный слух и Йорвин сдал себя с потрохами. Двое демонов отправились на звук к тому месту, где стоял Йорвин. Бежать не было смысла, стоять – тем более. Йорвин выхватил кинжал и ринулся навстречу рогатым чудовищам. Те этого явно не ожидали, а оттого опешили на секунду. Но этого было достаточно. Первому демону Йорвин нанес рубящий удар по шее, второму – колющий под ребро. Тот умер за несколько секунд. Первый же был еще жив, но из шеи ручьями текла желто-зеленая кровь. Будь у Йорвина настоящий меч, висела бы голова демона на ветке.

– *Фесс кезо! Убаросас мацисая!* – Взревел демонолог. Йорвин уже бежал ему навстречу с острым желанием прикончить. В его голове всплывали уроки его отца, что нужно делать, если врагов много, а у тебя есть только кинжальчик. Но добежать он не успел. С обеих сторон на него набросилась толпа чудищ, и Йорвин оказался на дне горы тел, не в силах пошевелиться. От невыносимого смрада не было мочи вдохнуть, и тут в Йорвине проснулась первобытная злость, затмившая разум. Все его существо горело и требовало крови ублюдков, уничтоживших его близких, и поломавших ему жизнь. И тот огонь разгорался все сильнее и сильнее, красный туман застлал взор.

Гора демонических тел загудела и задымилась. Послышались вопли боли и страха. Монстры расформировали кучу. Под ней уже не было крупного юноши с кинжалом в руке. На его месте полыхал огонь. Огонь этот был столь ярким, что освещал все вокруг не хуже солнца. Столь жарким, что никто не мог приблизиться к нему ближе, чем на десять шагов. Пожар увеличивался в размерах с каждой секундой. Изнутри этого пламени слышались крики, перераставшие в рев. Тут даже на агатовом лице колдуна в капюшоне застыла маска удивления и страха, а на лбу выступил холодный пот.

И вдруг горящее нечто с ужасающим грохотом взорвалось. Рвануло так, что все в радиусе шести ярдов разлетелось в разные стороны. А в радиусе трех – загорелось. На месте эпицентра взрыва уже не было Йорвина. Вместо него там стояло громадное существо ужасающей наружности. Оно было ростом в двадцать футов, все покрыто чешуей темного цвета, которая отражая свет огня, приобретала темно-бордовый оттенок. Верхняя половина его тела имела строение очень похожее на человеческое. Только когти были длины бритвы, и, наверняка, такие же острые. Рогатая голова скалила плотоядного вида зубы, и глаза светились первобытной яростью и жадой убийства. Нижняя половина, по – видимому, принадлежала огромной рептилии. Когти, способные крошить камень и шипастый хвост стоили того, чтобы бояться их до теплых луж под ногами. Были у этого существа и крылья, но были они еще не развиты и тонки, чтобы выдержать их владельца в воздухе.

Естественно, колдун не на шутку опешил, и едва сдержал приступ паники, но прохрипел – таки:

– *Ханп.. Тазуци,* – демоны и бесы тоже струсили не на шутку, и угощаться когтями и хвостом никто не хотел. Но подчиняться заклинателю их призывала древняя магия, и они не могли ей противиться.

Избрав первую жертву, монстр нанес удар твари в челюсть, и бес отправился в полет, выделявая смешные кульбиты в воздухе. и приземлился на пепелище цирюльни Азимо. Гигант довольно рыкнул, и сделал ручкой, дескать, следующий, или следующие, мне все равно. Ждать долго не пришлось, и на руинах деревни свершилось то, что можно назвать лишь резней.

Гигантская полурептилия дала волю своей ярости и жестокости. Монстр рвал демонов надвое, натрое и далее. Во все стороны летели лапы, клешни, копыта, хвосты, кишки, и фонтанами брызгала гнусная кровь. Лесной зверь бежал прочь на лиги от места резни, столь громкими и страшными были вопли убиенных.

Вскоре, все было кончено. Стоять остались лишь колдун в черной мантии с капюшоном и существо, которое совсем недавно было Йорвином. Демонолог был близок к панике. Бледность его лица была заметна даже в отсвете начинавших затухать пожарищ.

– *Сиев... Сиев ап Кассбектым*, – пролепетал некогда суровый владыка адского карательного отряда – *Иэ кхонзо...*

– Гр-р-р, – прорычал в ответ человекоподобный ящер, схватил колдуна за плечо и одним взмахом когтистой руки лишил его нижней половины туловища. Верхнюю же выкинул в огонь ближайшего спаленного дома.

Вот теперь все было действительно кончено. Чешуйчатый гигант глубоко и тяжело вздохнул, и, сделав шаг, припал на одно колено, будто тяготимый собственным весом. Силы явно покидали его. Он с трудом поднялся, и, пошатнувшись побрел в сторону небольшого озера с мягкой и почему – то всегда теплой, даже зимой, водой. Крылатый монстр упал на четвереньки на обрывистом бережку, попытался снова встать, но лишенный сил, рухнул в темную воду. На рассвете можно было бы заметить бессознательное тело рослого юноши со спокойным, казалось бы, свободным от всех земных тревог, лицом, плавающее на поверхности, но не тонущее. Дождь давно кончился, потушив пожар перед тем, как удалиться. Над местами, ранее известными как селение Холрен воцарилась тишина.

Тишина. С нее все началось, и она же переживет все сущее. Подведет итоги всемирной жизни, осудит ее и вынесет приговор. И после Абсолютного Конца лишь тишина доживет до рождения чего – то нового, чему даже бессмертные не в состоянии найти названия.

Глава III

Такому утру как это можно привести лишь один эпитет – божественный рассвет. Над кронами деревьев по голубому небу плыли чудесные барашки, лиловые от поднимавшегося солнца. Йорвин беззаботно считал их как маленький мальчик. После сорок седьмого он вдруг сбился, разум вернулся к нему, и как опущенная натянутая до предела тетива, по сознанию ударил горький факт. Это был не сон.

Йорвин лежал на берегу того озера, которое некогда так любили холреновчане, в которое вчера упал огромный свирепый монстр. Он лежал на спине, ноги его были в воде, а торс – на берегу. Йорвин был наг, ведь его одежду уничтожила его же ярость. Шевелиться страшно не хотелось. Тело ныло после вчерашних походов, да и попросту лень было что-либо делать. Но встать надо, ведь жизнь не стоит на месте, и никогда не спрашивает ничьего мнения.

Йорвин поднялся с немалым трудом, и, страшно хромая на обе ноги, пошел осматривать место побоища. С каждым шагом идти становилось все легче. И через некоторое время он даже перестал хромать. Следов ватаги демонов не осталось вовсе. Их тела сгорели со смертью заклинателя, и пепел смешался с грязью и водой. Лишь ноги колдуна лежали в луже крови, порядком размытой дождем.

Первым долгом Йорвин отправился к пепелищу собственного дома. Разумеется, Торвальд не спасся, хотя Йорвину отчаянно хотелось надеяться, что он его найдет под обломками потрепанного, но живехонького. Но нет, он был мертв. Торвальд явил немалую доблесть, защищая родной дом. В тот момент, когда Йорвин практически бегом мчался в Холрен, в деревню пришел человек в черном балахоне и на ломанном всеобщем велел выдать ему некоего «мальчишку-со-шрамом», пригрозив, что в случае неповиновения вся деревня умрет мучительнейшей смертью. Разумеется, Йорвина никто не выдал, и не выдал бы даже, если бы он был в селении. Колдун только расхохотался и сказал: «Парня я все равно найду, а вот вы подписали себе приговор». С этими словами он тал махать руками и шептать заклинания на древнем черном наречии. В земле образовалась черная дыра, из которой валом повалила нечисть. Демоны рвали жителей на части, перегрызали им глотки и поедали их глаза. Не щадили никого. Стар и млад гибли бок-о-бок. Лишь Торвальд и еще несколько удальцов схватились за мечи, вилы и топоры. Торвальд неутомимо рубил демонических гадов, пока не нашелся один из них, который схватился за лезвие, когда Торвальд всадил ему клинок в брюхо. И не дал сразу его освободить. Секунда промедления – и Торвальд был заколот собственным мечом. Тело зашвырнули в горящую хижину кузнеца. Там и нашел его Йорвин. Меч твари переломили в двух местах, и отправили вслед за хозяином. Огонь надругался над телом, лишив его ног и левой руки. Густая кучерявая растительность на голове кузнеца сгорела, и открылось простое, но благородное, несмотря на страшные ожоги, лицо. Йорвин никогда не видел открытого лица Торвальда. Оно всегда скрывалось под гривой густых волос и не менее густой бороды. Йорвин упал на колени и обнял того, кого считал отцом. Пусть не родным, да это и не важно. Даже своего истинного отца он бы никогда не полюбил бы так, как этого человека. Йорвин думал, что на его похоронах он заплачет. Первый раз в своей жизни. И это будет тихая смерть почтенного человека, который прожил достойную жизнь и умер старцем в теплой постели среди близких и друзей. Но что-то слезы не шли. Не было их в сухих как песчаные барханы глазах Йорвина.

Надо было одеться. Не бегать же голышом? У Торвальда был подвал, где он прятал самое ценное. Быть может, там найдется что-нибудь? Йорвин открыл почерневший от гари люк и спустился вниз. В освещении не было нужды. Крыши у дома уже не было. В подвале было полным-полно всякого разного барахла. Инструменты, слитки стальные, серебряные и плати-

новые, мешки с углем и прочее. Одежду Йорвин нашел. Он подобрал себе новые сапоги, теплые льняные штаны и коричневый плащ с капюшоном, отлично спасавший от дождя.

Уже на выходе Йорвин заметил сундук из черного дуба и решил полюбопытствовать. Может, есть что полезное. А в сундуке покоилась блестящая, даже в таком слабом свете стальная кольчуга и здоровенный двуручный меч – фламберг. Кольчуга была из высококачественной хромированной стали. Технологию хромирования привез в деревеньку один странствующий ученый, и продал Торвальду в обмен на починку одного тонкого приспособления, которым тот каким – то образом измерял время с поразительной точностью. Каждое колечко на груди было спаяно с пластинкой, удваивавшей защиту как от меча, так и от стрелы. Меч был длиной с самого Йорвина, обоюдоострый, из той же хромированной стали, что и кольчуга. Вдруг, до Йорвина дошло, что это такое. Торвальд какой-то, перебрав меду, сболтнул в трактире, что подарит сыну на двадцатый день рождения такой подарок, что любой воин выдерет себе бороду от зависти. И в самом деле, приготовил подарок, достойный принца в серебряных доспехах. До дня двадцатилетия Йорвина было чуть больше месяца. Какое было бы пиршество по этому случаю! Какая была дружная деревня, и как здесь все любили и уважали друг друга! Все погибшие люди не заслужили такой участи. Такой несправедливости не должно быть места в подлунном мире.

И тут на глаза Йорвина навернулись слезы. Он заплакал первый раз за свою сознательную жизнь, и плакал долго. Выливалось все, копившееся годами до этого момента. А когда кончились слезы, пришла твердая уверенность, что тот, кто в ответе за этот террор получит по заслугам, будь то завтра или годы спустя. Ему за чем-то нужен парень из деревни. Что ж, он его получит. И это будет его последняя победа в жизни.

Йорвин не поленился отправить каждого жителя деревни в последний путь. Он соорудил ложа из уцелевших тынов, и уложил на них тела так, чтобы родные были рядом друг с другом, посыпал их соломой, и поджег головешкой. Йорвин не сомневался, что мокрое дерево гореть будет хорошо. Огонь всегда ему подчинялся беспрекословно. Костер сильно дымился, но загорелось сильно. Торвальда он определил в курган, на который приволок наковальню и молот отца. Меч, также трагически погибший вместе с хозяином вложил в руку героя. Если бы Йорвин умел писать, он бы выбил на наковальне имя человека, давшего ему приют, заботу и привившему волю к жизни несмотря ни на что. И в который раз проклял свою деревенскую безграмотность. Йорвин опустил голову и пропел похоронный гимн, который поют всей семьей, когда близкий человек отходит в мир иной.

Непомерную скорбью сердце полнится,
И падает в землю слеза.
Человек, что по жизни со мною шел смело
Из мира ушел навсегда.

Навеки запомню я имя того,
Кто стал вдруг судьбе неudel.
И молиться я буду, чтоб дух его светлый
К небесным дворам возлетел.

Чтобы в райских садах отыскал он любимых,
Что в прошлом, как я, потерял.
Чтоб забвения ветер с земли обреченной
Его там никогда не достал...

Когда Йорвин допел последний куплет, он взвалил меч на плечо, пожитки и ушел, не оборачиваясь. Юноша решил отправиться к Тулбору – единственному оставшемуся знакомому человеку и спросить его совета.

Пока Йорвин шел, творились всякие непонятные вещи. То луны вдруг появлялись, то исчезнут, звезды светили несмотря на ясный день. Облака двигались как-то слишком быстро, хотя это были не кучевые, что носятся близ земли, цепляются за вершины гор и проливают дожди. Облака были перистые, но неслись ОЧЕНЬ быстро. По чистым же участкам неба плыли синие – зеленые ленты волшебного света. Ученые называют такое явление "Солнечный ветер". И характерно оно для крайне северных земель далеко за Серой Грядой, но никак не для этих. Йорвин никогда не сомневался в целостности своего рассудка и честности зрения. И в этот раз не собирался. По его мнению, мир более подвержен сумасшествию, чем он.

Как бы то ни было, вечер наступил гораздо раньше обычного, и до корчмы Тулбора Йорвин добрался глубокой ночью, а не перед закатом, как обычно. Но это его не смутило (если вообще что-то могло его смутить). Парадную дверь он решил не беспокоить, и прошел к черному ходу. Йорвин легко и без лишнего шума высадил хлипенькую дверку, прикрыв свой труд спинкой стула. Прошел через кухню и поднялся по лестнице. Йорвин старался ступать по возможности бесшумно, насколько то позволяли неновые уже полы. И уже почти вплотную подошел к опочивальне хозяина, как вдруг мощнейший удар дверью откинул Йорвина обратно на лестницу. Тулбор – закаленный в бесчисленных сражениях боец, у которого на уровне рефлексов отложилась способность слышать легкие шажки душителя и мгновенно просыпаться, готовым к бою. Ему неоднократно приходилось спать в горах, и не просыпаться, несмотря на гром грозы и грохот оползней, но крадущуюся походку убийцы он умел отличать безошибочно. Йорвин не знал этого, и теперь катился вниз по лестнице как мешок с картошкой.

В падении Йорвин потерял сознание и очнулся уже утром в одной из гостевых комнат. Над ним стояли Тулбор, сложив руки на животе, его официантка с золотистыми волосами и... Сиртама.

– Илтрис всемогущий! – воскликнул Тулбор. – Йорвин, каждый раз твое появление здесь сопровождается разрушениями! По кой хрен тебя принесло среди ночи, а? – Йорвин не сказал ничего вразумительного, так, промямлил что-то типа "так уж получилось", и Тулбор продолжил, – И дверь моя чем так тебе не угодила?

– Сейчас расскажу, – сказал Йорвин, поднимаясь и вставляя ноги в сапоги. – Только лишние уши нам ни к чему, – добавил он скорее двери, чем собеседникам. Сиртама подошел к двери и легонько шлепнул по ней ладонью. После того, как топот семенящих и спотыкающихся, наверняка коротких ног стих, Йорвин приступил к рассказу.

– Начну с того, что спрошу, а почему благородный хозяин "Тупого клинка" не спит по ночам?

– Это довольно печальная история, – без пререканий отвечал Тулбор. – Как-то мы с отрядом заночевали в лесу. У нас был трудный день. Мы тогда разбили бандитский притон под Ванимирой. Но одному из подонков удалось бежать. Тогда мы не придали этому значения. Сочли – один в поле не воин, но оказалось, что это не так. Запомни, Йорвин, хорошенько запомни. Даже один в поле – воин, если он в поле ночью. Так вот, эта скотина побежала собирать новую толпу, чтобы отомстить нам. Но тупарь не понимал, что мы – лишь инструмент в руках толстосума. И вот, все мы, уставшие и вспотевшие, поснимали доспех и слегли спать, выставив такого же уставшего часового. Немудрено, что он тоже оплошал, – Тулбор вздохнул. – Я проснулся, когда убийца перерезал половину отряда как забойных свиней. Семь моих товарищей, моих друзей, с которыми я делил последний кусок хлеба, погибли, а виновников не было. А может, ими были мы все... С тех пор даже если колесница илтрисова промчится над нами, я не проснусь, но крадущегося душителя к себе не подпущу.

– Да, не хотелось напоминать тебе о погибших друзьях, но так или иначе пришлось бы. Видишь – ли, ...Холрена больше нет.

– Как нет? Что значит нет? – хором спросили все трое.

– Холрен уничтожен, стерт с лица земли. Все жители перебиты. Никто не спасся. Кроме меня, конечно.

Эта новость ввела всех троих в состояние полного замешательства. Даже странник Сиртама оказался небезучастен к трагедии.

– Но...но-о, – дрожащим голосом пролепетала официантка, – Там же живет моя тетья, Эспиранса, она...

– Дорогуша, у тебя больше нет тети. Я лично всех похоронил, – как топором отсек Йорвин.

– А как же те, кто это сделал? Ты их застал? Кому могла помешать жить безобидная деревушка? Знать бы еще, чего они хотели и не повторится ли такое?

– Я не знаю, кто это был, – Йорвин решил не рассказывать о своем участии и немного приврать. Неизвестно, как отреагируют люди, если он раскроет им все свои карты, – Я пришел, деревня уже пылала, виновники исчезли. Я переночевал на руинах своего дома, а утром похоронил всех и отправился сюда. Когда это случилось, я вот как чувствовал что-то плохое. И даже теперь я совсем не уверен, что они добились, чего хотели.

На лице Тулбора застыла маска самых разных чувств: удивления, страха, горечи, а по бледному лбу лился холодный пот. Официантка кусала губы, и по щекам ее лились слезы. Сиртама, потупившись смотрел в пол.

– А когда я шел сюда, мир как будто сошел с ума. Все небо ходило ходуном, звезды, луны носились по небу в догонялки с облаками, небесные ленты света появлялись, ни разу их живую не видел, только слышал, что люди об этом судачат.

– Полярные сияния в этих краях не случаются, так? – оживился Сиртама. – Произошло тотальное перераспределение сил в мире. То, что ты видел было ответной реакцией на сдвиг пространственно – временного континиума и...

– А можно по-человечески? – попросил Йорвин

– Конечно, – ответил монах. – В общем, кто – то, или что – то изменило ход истории. В исторических хрониках данные события встречались дважды. Последний раз это было двести восемнадцать лет назад, когда последний король, Йорвин Великий в битве при Тинимау победил в бою колдуна Пролактета, отрубив ему голову, тем самым изменив направление движения истории.

– Он что, не должен был его победить?

– Но разве не люди творят историю? – спросил Тулбор.

– И да, и нет. В мире существуют силы куда как посильнее человеческих, и Они рассчитывают будущее, анализируя действия так называемых смертных. Мы, кедонэйцы, называем их Табо. Жители здешних земель – Илтрисом. Где-то еще – как-то по-другому, но божественная суть остается неизменной. Иногда рождаются индивидуумы, способные поменять текущий уклад вещей настолько, что этим Силам приходится по новой рассчитывать варианты будущего. Это сопровождается явлениями, наблюдаемыми тобой, юноша.

– Но если эти Силы настолько могучи, то как Они могут допускать подобную жестокость? – спросила девушка.

– Пойми, ими не движет стремление к чему – либо материальному, Им нет дела до нашей мелкой грызни, и Они вмешаются лишь в том случае, если всему живому будет грозить полное уничтожение. Они выше страха, надежды и любви, и выполняют лишь обязанности, возложенные на Них Высшим Космическим Разумом.

И тут Йорвин понял, какую роль он сыграл в пьесе мироздания. Он, Йорвин, сынок кузнеца, изменил ход истории. Ему было суждено остаться в деревне и погибнуть вместе с осталь-

ными, и тогда таинственный некто получил бы то, чего хотел, и неизвестно что было бы дальше. Но и что теперь делать – тоже было неясно.

– Ну и куда я теперь пойду? В Митриуме мне только побираться придётся. Тамошные кузнецы терпеть нас с Торвальдом не могут, так что даже в подмастерья не возьмут. А кроме кузнечества я ничего не умею. – мучился Йорвин. По его мнению, жизнь его была кончена. Дальше жить незачем. – Научиться бы чему-нибудь ещё. Чтобы никто кроме меня делать не мог... Чему-нибудь, что будет спасать людей, а не убивать их.

– А вот с этим я могу тебе помочь, мой юный друг, – Улыбнулся кедонзец. – За непродолжительное время нашего знакомства, я нашел в тебе необычайный потенциал. Ты – желудь, из которого вырастает могучий дуб. Я мог бы дать тебе Знание, овладев которым, ты не только найдешь свое место в жизни, ты сможешь делать все, что захочешь. Но не жди, что ты сразу станешь таким, как я. Твое обучение займет долгие годы, и возможно, завершится, когда ты сам доживешь до седин. Но ты не пожалеешь.

– Ты вправду думаешь, что простой деревенский парень может стать вершителем добра, таким как ты? – спросил Йорвин

– Не важно, деревенский ты сын, или дворянский. За свою жизнь я знал много людей, но очень мало "желудей".

Йорвин задумался. Перспективы его были невелики. Если он отклонит предложение монаха, юноша не понимал, как жить дальше. Пытаться ли все восстановить, как можно, или плыть по течению, принимая с опущенной головой все удары судьбы. А если пойти по пути, который указывает Сиртама, то до сорока лет можно позабыть про цивилизацию, и все связанные с ней радости жизни, вернувшись к ней, когда она уже потеряет свой притягательный свет. Но с другой стороны, если знание, доступное монаху столь велико, оно поможет найти способ отомстить убийцам его семьи.

– Сиртама, я... – Йорвин вздохнул, все еще переваривая каждое свое слово. – Я пойду с тобой.

– Достойный выбор, – сказал Сиртама. И слегка улыбнулся в своей манере.

Йорвин простился с Тулбором. Они пожали друг – другу руки и тепло обнялись, почти как отец и сын. И простились они на этот раз навсегда. Все понимали, что до их следующей встречи трактирщик вряд ли доживет. На прощанье тот подарил Йорвину кружку и сказал, чтобы тот всякий раз, когда будет пить из нее, он вспоминал старого трактирщика.

Йорвин познакомился с официанткой Тулбора. Ее зовут Тиа, и она любит Тулбора как дочь, которой у него никогда не было. У нее был богатый отец, большая шишка в Митриуме. И его девочка росла избалованной, но на удивление доброй и честной. Когда отец умер и оставил ей наследство, та не умела с ним обращаться. Деньги иссякли очень быстро, и вскоре юная Тиа погрязла в долгах, как какой –нибудь подпольный игрок в кости. Долг заставил ее проститься с недвижимостью, и так как делать она ничего не умела, то ни один ремесленник не брал ее в помощницы, ни один хронист не брал ее в писчицы, и ни один повар не брал ее в кухарки. Тогда Тиа решила поискать своего места в других землях. К счастью, далеко идти не пришлось. Чем-то она очень приглянулась старому Тулбору. Возможно, своей исключительной непорочностью, почти детской наивностью и добротой. Тиа была далеко не уродкой, но и небесной красотой похвастать не могла. Самым красивым в ней были золотистые волнистые локоны и ясные серые глаза. Они с Йорвином были почти ровесники. Если Тиа и была старше Йорвина, то незначительно. Тиа протянула Йорвину ручку, тот пожал ее и его лицо вмиг помрачнело. Такие же шелковые ручки были у его подруги Делайлы. Йорвин содрогнулся, какие ужасные вещи сотворили демоны с ней, что он даже не узнал ее среди мертвых тел. Но теперь он вспомнил ту девушку, больше похожую на сплошную гематому, с волосами, из которых пряди были просто выдраны, с выбитыми зубами и выколотыми глазами. Йорвина затрясло, глаза покраснели, а стук сердца стал слышен даже на втором этаже.

– Йорвин, ты в порядке? – спросила Тиа. Йорвин почувствовал, как внутри разгорается знакомый огонь, и, опасаясь срыва, немалым усилием заставил себя взять себя в руки.

– Да, я просто... уразумел кое – что, – Йорвин даже попытался даже выдать что – то вроде улыбки, но у него не получилось. – Забудь.

Не говоря больше не слова, Йорвин развернулся и вышел из трактира, Сиртама пожал Тулбору руку, кивнул Тие и вышел следом. В ту ночь Йорвин не спал, и весь следующий день ходил мрачный как туча. Они с Сиртамой шли пешим ходом по дороге на северо-восток, в сторону Оторофельда. И тому было как минимум два весомых повода. Во-первых, лошади в Оторофельде как куры в вольере со львами, во-вторых, звери попросту боялись Йорвина, и не спроста. Йорвин за весь день не произнес ни слова, а к вечеру и вовсе замкнулся. На привале мужчины разожгли костер, достали заботливо заготовленную Тулбором солонину, хлеб и воду.

– Йорвин, в чем дело? Ты сегодня с утра сам не свой. Я знаю, ты горюешь по погибшим близким, но я вижу, дело в чем – то еще. Поделись, легче же станет. А депрессия тебе не помощница, она тебе только хуже делает.

– В Холрене жила девушка, – хриплым голосом заговорил Йорвин. – Которая была мне как сестра. Ублюдки убили ее, а я ее даже не узнал среди мертвых тел. Никогда бы не подумал, что можно так изуродовать безобидное создание. Какая же черная душа должна быть, чтобы вот так? Я не могу попустить это и не сделать того, что должен. Мечь – мой святой долг.

– Мечь не решит твоих проблем. У тебя их станет только больше. Замкнутый круг зла можно разорвать только непротивлением насилию террором, смирением и прощением. Не убий никого – это основной закон, которому должен подчиняться любой член нашего сообщества. Ты сам поймешь это, когда мы начнем твое обучение, – Йорвин ничего не ответил, снова зажевав кусок, – Ладно, оставим пока это. Завтра мы должны добраться до города Кавван – это последнее поселение по дороге в Оторофельд. Если не будет затруднений, то послезавтра мы уже доберемся дотуда. Вот там и начнутся проблемы. Ты слышал что-нибудь об этом лесе, Йорвин?

– Слышал... – мрачно протянул Йорвин, – ...кое – что, – закончил он после долгой паузы.

– Должен тебе рассказать о двух племенах, что живут в глубине леса. Одни называют себя морфериям, что на наш язык можно перевести, как "дети псового". Но люди называют их морферимы. Так им проще. Разница невелика, но не для сынов волка. Не вздумай ошибиться, если на тебя направят луки, или будешь немедля расстрелян. Эти существа – человекообразные животные, тем не менее, им не чуждо ничто человеческое. Возможно, в нравственном плане они даже лучше нас. Морферимы делятся на две семьи – сыны Черного Волка и сыны Серого Лиса. Возможно догадываешься, почему. Сыны Черного Волка – огромные двуногие прямоходящие волки. Возможно, даже покрупнее тебя. Со строгим и нерушимым кодексом чести. Хех, лучше быть другом сына черного волка, чем его врагом. Другьям они верны до конца, и умрут за них без колебаний. А из людей, что вздумали их обмануть – мало кто выжил. В бою они свирепы, безжалостны и неуправляемы одного морферима как минимум шесть людей, это точно. Сыны серого лиса – это человекообразные лисы. Не такие крупные, как сыны волка, но оттого не менее опасные. Эти ребята очень умны, хитры, приспособляются почти к любой ситуации. Ну, еще они отличные лучники. Еще есть информация о троллях, которые живут в чаще, но их уже лет сто никто не видел, и эта тема, остались ли еще тролли в Оторофельде сейчас активно оспаривается. В общем, нас ждет пять довольно напряженных дней в лесу, забитом всякой нечистью. – Йорвин, продолжавший невозмутимо жевать помолчал, а потом сказал:

– Все ясно, – затем доел кусок, глотнул воды, чтобы хлеб в горле комом не встал, и лег спать.

Заснуть сразу у него не получилось. Йорвина до сих пор не отпускали образы Делайлы, Торвальда и прочих, сложивших голову в деревне. Они принесли себя в жертву ради того, чтобы он выполнил свою великую миссию. Но какую? Стать надеждой угнетенных и невинно

порицаемых? Чтобы его имя со слезами гордости произносили старики, рассказывающие своим внукам о герое без страха и упрека, который стоит на страже покоя мирян? Или же стать олицетворением зла, чтобы его имя произносили в страхе и шепотом? Но затем Йорвин решил про себя, что никакое колдовство и никакие напасти не совратят его с пути добра. Что не для того его вырастил Торвальд, чтобы он, Йорвин, пал жертвой таинственных сил внутри себя. И с этой мыслью его разум покинул тело. До утра. Проснувшись поутру, Йорвин обнаружил Сиртаму, бодро и старательно заметавшим следы их стоянки. Все вещи были уже готовы к дальнейшему путешествию.

Дальнейшая дорога пролегла по всхолмью, у подножия которого и стоял город Кавван. По холмистой местности идти было интереснее, чем по равнине, но и утомительнее. Сон частично залечил кровоточащую душевную рану Йорвина, и боль немного отпустила. Юноша в этот день был общительнее, улыбчивее, а потому день для него прошел быстрее.

Наконец перед ними раскинулся Кавван. Йорвин с Сиртамой добрались до него раньше, чем рассчитывали, но сочли, что так только лучше. Больше отдохнем, перед Оторофельдом и наберемся сил. Кавван был довольно целостным городом, и не испытывал неудобств от своего прилудного местоположения. На панораме, что открылась перед путниками по правую руку, тянулись поля ржи, ячменя и пшеницы. По левую – речка, что спускалась с холмов, и обслуживала город. Недалеко от мостка через Наинну, так называлась речка, стояла водяная мельница, а чуть подальше были видны женщины, стирающие белье. Еще дальше, где река становилась полнотелой, и уже не могла называться речкой, виднелись рыбацкие лодки. А на горизонте черной лентой тянулся дурно славный Оторофельд.

Путешественники спустились с холма и вошли в город. Идя по узким улочкам, они оглядывались в поисках постоянного двора. От Митриума этот город отличался сильно. Здесь было чисто, не было пьяниц, вусмерть надравшихся эля, и валявшихся в грязи пятаком вниз. Здесь не пахло отхожими местами, лошадиным навозом и прочими неаппетитными ароматами. Дома стояли ровные, чистые и добротные. Йорвин подумал про себя, что недурно было бы поселиться здесь... когда-нибудь. Наконец, Сиртама указал на вывеску с весьма броским названием "Вечное сияние". На вывеске была нарисована звезда с восемью лучами и красиво выгравированная буква "А".

Когда Сиртама и Йорвин вошли в таверну, их поразила чистота и просторность этого заведения. Таверна вполне оправдывала свое название. Народу было достаточно, и свободных столиков было два. Всего их было семь. В углу по диагонали от двери стояло что – то вроде сцены, а на сцене стоял высокий, красивый, чистый и опрятный молодой человек. Одет он был в превосходный пурпурно – белый камзол, зеленые суконные штаны, ботинки из заячьей кожи и вишневого цвета шляпу с загнутыми полями и салатовым плюмажем. В руках бард держал великолепную лютню, которая издавала поистине божественные звуки. Эта музыка заставляла забыть про все беды и несчастья, и отправляла душу в высокий полет выше облаков. Все другие барды, которых Йорвину доводилось слушать в Митриуме, после этих чудесных музыкальных переливов казались бездарными фанфаронами и хриплыми горлопанами. В обычных харчевнях музыкой служат нецензурная брань, грубые солдафонские анекдоты, истеричное ржание, отрыжки и прочее непристойное и непотребное. В этом заведении стояла тишина. Ни один цеховик или крестьянин не смел прервать дивную музыку мастера – барда. Все заслушивались и летали. Сиртама и Йорвин подошли к стойке. За ней стоял человек средних лет, среднего роста, средней комплекции, с добрым лицом и смеющимися глазами. У трактирщика была аккуратная расчесанная борода и волосы.

– День добрый, судари, добро пожаловать в "Вечное сияние"! Я – Агилл, хозяин. Чем могу вам помочь?

– Здравствуйте, уважаемый, нам бы комнату, желательно попросторнее. И еще скромный обед, будьте любезны.

– Будет сделано. А пока, господа, насладитесь искусством мастера Мавротия. Он приехал к нам вчера с двухдневной гастролью, а завтра, к сожалению, покидает наш город. – Агилл удалился, а Йорвин с монахом заняли столик, что был поближе к сцене. Бард бил пальцами по струнам и пел:

Я вчера полюбил другую.
И прошу, отпусти меня.
Все мы влюбляемся вслепую.
Любовь зрячей никогда не была.
Но отринув печали и муки,
Может быть, встретишь ты завтра того,
Кто согреет рукой твои руки,
И всем сердцем полюбишь его.

Песня кончилась, благодарные слушатели зааплодировали и заулюлюкали. В футлярчик для лютни со всех сторон полетели монеты: медные, серебряные, золотые – кто что мог себе позволить. Йорвин и Сиртама тоже не остались в стороне, и кинули музыканту по серебряной монете. А люди не успокаивались и требовали продолжения концерта. Музыкант поклонился, "подмел" шляпой пол сцены и благодарно закивал.

– Благодарю вас. Но следующая песня будет последней на сегодня. Это баллада о короле – воеводе Саркисе. – Бард провел пальцами по струнам и запел:

Капли стали падали с неба.
От туч рано стало темно.
С севера дули могучие ветры,
Но в бой шел отряд все равно.

Тех витязей вел, не страшась урагана,
Сам Саркис, великий герой.
Тот, кто при жизни легендой стал славной.
Чью волю не сломишь мечом.

Эльтифиат, вероломный и хитрый
Две ратные силы гнал там.
Люди шли маршем по мокрой земле,
И туча шла по небесам.

У певца был уникальный голос диапазоном в четыре октавы, который звучал то нежно, то жестко и низко там, где это было необходимо. После недолгого проигрыша зазвучал припев.

В дали унеслось затишье мира.
Грозам разразиться вновь время пришло.
Героям не страшен холод могилы.
Жизнь или смерть, кровь иль вино.

Потихоньку в таверну стало прибывать все больше народу, и к моменту, когда Мавротий допел припев, свободных мест за столиками не осталось.

Били в щиты мечи из булата.
Стрелы пронзали и землю, и латы.
Красной от крови стала земля,
И телами покрыта стала она.

Бой завершился лишь поздней ночью,
Когда уж сражаться не было мочи.
Узрев, что все войско лежит среди скал,

Эльтифиат поражение признал.

Но если признал, то не значит смирился,
Короля – воеводу он сжить захотел
Помощью мага он заручился,
И ему короля он убить повелел.

Мощью огромной тот маг обладал.
Пальцев щелчком он горы сдвигал.
И силой своей он грозе повелел
Обратить победителя в пепел и тлен.

Молнии удар был беспощаден,
Мгновенно прервал Саркису жизнь.
А Эльтифиат, будь он трижды неладен,
Через год от чахотки ушел вслед за ним.

И через тысячу лет не смолкают баллады
Во славу героям, в насмешку врагам.
Но время приходит для новых деяний,
Благих, иль не очень, решать это нам.

Из далей вернулось цветение мира.
Грозы отгремели, их время прошло.
Пусть нас не печалят героев могилы,
Сегодня в их честь мы вкушаем вино.

Таверна, переполненная людьми, взорвалась аплодисментами. Вот, что значит люди, стосковавшиеся по искусству. Некоторые, живущие неподалеку, специально вышли из дома, чтобы поглазеть на живого музыканта. Мавротий снова откланялся.

– Спасибо, друзья! Желаю вам не терять и не теряться. Любите и будьте любимы, – Бард выгреб из футлярчика деньги, положил на их место лютню, спрыгнул со сцены и удалился вверх по лестнице в свои покои.

Народ стал расходиться, гулко обсуждая выступление, а Йорвину и Сиртаме подали обед: тарелку ухи из окуня, краюху еще теплого хлеба. На второе – омлет с беконом и приправами. От алкогольных напитков странники отказались. Вместо этого им принесли кувшинчик козьего молока. Сиртама ахнул. Они заказали СКРОМНЫЙ обед, а не обед для зажиточной крестьянской семьи. Но трактирщик его успокоил, пообещав, что возьмет за обед, ужин и постель всего три серебряных неция и девять медных цзанг.

После обеда настроение резко улучшилось, и стало расположено к досужему времяпрепровождению. Сиртама стосковался по книгочтению, и решил отправиться на поиски библиотеки или книжной лавки. Йорвин же обнаружил у себя назойливую, как рой помойных мух, потребность сходить в баню.

Пожилой прохожий указал дорогу к двухэтажному деревянному зданию. Внутри пахло отваром банных трав, пихтой и пивом. Йорвин заплатил баннику за отдельную парильню (опять же из-за знака на руке), и уединился в ней. Ушаты с ароматной горячей водой без следа смыли с него не только дорожный пот, но и печали по поводу прошлого и треволения за будущее. Йорвин почувствовал прилив энергии. И эта энергия была совсем не похожа на энергию притока ярости. Это была позитивная энергия созидания. Воистину, баня обладает чудесной

силой исцеления тела и духа. После бани тело стало гладким и приятным, а волосы – мягкими и шелковистыми. Эх, вот бы все недуги мира могли исцеляться также легко и приятно!

Вонь.

Внезапно в бане страшно завоняло. Воняло гниющей плотью, трупом, оставленным на мостовой под солнцем. Воняло так, что Йорвина затошнило. Он быстро оделся, причесался и вышел в коридор. Другие посетители тоже были обеспокоены неприятными запахами и выливали свое негодование на хозяина. Бедный банник, ему не позавидуешь.

Только было Йорвин подошел к двери как вся стена с оглушительным грохотом разлетелась на тысячи кусков разной величины. Йорвина вместе с двумя случайными людьми отбросило волной к противоположной стене. В образовавшейся дыре стояла фигура в черном рваном балахоне. Из-под капюшона выглядывал череп страшной нелюди с острыми хищными зубами. На "лице" этого страшилища не было даже намек на плоть и кожу. Именно это существо источало эту жуткую вонь, от которой, казалось, нос вот-вот сморщится и провалится. Одного из посетителей острым осколком бревна проткнуло насквозь, еще одного засыпало более крупными обломками. Йорвину повезло больше. Он стряхнул деревянное крошево со своих ног, встал, и обнаружил в своем предплечье небольшой осколок, выдернул его, брызнула кровь. Голова "стенокрушителя" дернулась в сторону брызнувшей струйки, а затем снова обратилась на Йорвина. "А-а-а, так вот, что ему нужно, моя кровь. Хрен он ее получит!" – подумал Йорвин и пнул носком сапога мусор, засыпав кровь. "Рваному балахону" это не понравилось. Он поднял руку, вслед за его мановением длинный острый осколок поднялся и устоялся острым концом в сторону Йорвина. Тот едва успел упасть на пол до того, как осколок, пролетев над ним, врезался в стену, разлетевшись на щепки.

Йорвин побежал. Оружия у него при себе не было. Он оставил его в таверне. Осталось только бежать. Йорвин взбежал на второй этаж и вломился в первую попавшуюся дверь. Это оказался женский зал. Визг поднялся такой! Йорвин ринулся к двери в противоположном конце зала. Сзади снова раздался грохот. Дверь в женский зал разделила судьбу двери на первом этаже. Визг усилился настолько, что мог бы полностью заглушить боевой оркестр митриумских "Полуденных звезд". "Ого!" – подумалось Йорвину, когда он на бегу разглядел несколько округлых форм. Дверь с треском вылетела, когда Йорвин врезался в нее плечом. Взлетев по лестнице, он оказался на крыше.

На крыше было два пути отхода: Налево, вдоль реки или прямо, вглубь города, улицу по правую руку было не перепрыгнуть. Йорвин решил бежать по крышам вдоль реки. Через улочку, даже такую маленькую, как здесь, ему вряд ли удалось бы перепрыгнуть, даже зацепившись руками за край кровли. А до здания слева было недалеко. Йорвин побежал осторожно, пригнувшись и касаясь руками кровли, чтобы не соскользнуть. Перепрыгнул на соседнее здание, и тут появился его преследователь, проделав еще одну солидную дыру в потолке. Кажется, его совсем не беспокоила возможность свалиться, и он также невозмутимо гнался за своей жертвой, как и по ровной и устойчивой поверхности. А Йорвин уже прыгнул на следующее здание, ухватившись руками за край крыши. Подтянулся и закинул ногу вверх, выпрямился и улыбнулся своему преследователю. Йорвин показал "балахону" неприличный жест, поманил пальцем и рванул дальше. Спрыгнув на следующий дом, он чуть не проломил дощатый настил, но тот выдержал вес Йорвина, тем не менее, угрожающе скрипел и трещал, пока парень двигался по нему. Осталось последнее здание. Дальше городской массив заканчивался. Йорвин оглянулся, "рванный балахон" не только забрался на крышу того высокого здания, но уже спускался с нее. "Срань!" – вырвалось у Йорвина. Дальше бежать было некуда. Либо прыгать вниз, либо броситься с распростертыми объятьями навстречу смердящему страховидлу. Йорвин счел, что первая из зол – меньшая. "Балахон" вновь поднял руку, флюгер на краю со звоном оторвался от гнезда, в котором сидел. Флюгер имел форму змеи, пронзенной стрелой (наверняка принадлежал лавке алхимика), и острие этой самой стрелы направилось как раз в

сторону Йорвина. Юноша разогнался и прыгнул в реку. Флюгер, запущенный колдуном пролетел в пол – локтя от Йорвина, лишь зацепив полу плаща.

Удар об воду оказался еще более жестким, чем ожидал Йорвин. Воздух вырвался из его легких, как будто его выбили колотушкой. Верх и низ смешались, а в ноздри ударило неприятное ощущение воды, попавшей не туда. Более того, на Йорвине была кольчуга, завещанная ему Торвальдом, которую он носил под рубахой как вторую кожу. И сейчас эта "вторая кожа" беспощадно тянула его на дно. Вода была холодной, а течение сильным. Отчаянные попытки Йорвина добраться до воздуха захлебнулись. Юноша пошел ко дну.

Кто – то сильно надавил на грудь, изо рта недоутопленника брызнула вода, а легкие взорвались кашлем. Йорвин оглядел спасителя. Рядом стоял на коленях Сиртама, мокрый с головы до пят.

– Сиртама... кхе-кхе-кха... как ты меня... кхе-кхе... – закашлялся Йорвин

– Люди зашумели, засуетились, я вышел посмотреть. Возле бани собралась толпа зевак, там что-то произошло. Я расспросил несколько человек, одна женщина рассказала мне о гонке по крышам, дескать, большой человек убегал от тощего колдуна в капюшоне прямо по крышам, а потом прыгнул в реку. Ну, я и побежал вдогонку. Надо сказать, повезло, что заметил твои ноги, торчащие из воды. Думаю, дальше ты сам все знаешь.

– Спасибо... кхе-кхе..., опять, – Сиртама кивнул.

– Есть мысли, кто за тобой гнался?

– Нет, – помотал головой Йорвин. – Но сдастся мне, этот – из той же коды, что разорила Холрен.

– Значит, все-таки их целью был ты. Мы должны немедленно отправляться дальше. В городе опасно, тебя ищут. Хотя теперь, вероятно, считают мертвым, и мы не должны давать им возможности усомниться в этом. Город для нас закрыт.

– Но как же... кхе, как же наши вещи, оружие?

– Придется оставить. Тойшен я всегда ношу с собой, кинжал, я думаю, у тебя тоже всегда при себе. Прорвемся. Без еды тоже не останемся. Как только доберемся до леса, можно будет грибов да ягод поискать.

– Отцовский меч выкидываю, – опустил голову Йорвин – Прости меня, старик.

– Может быть, вернется к тебе твой меч. Земля круглая. Все равно, я думаю, он тебе больше не понадобится.

– Земля круглая? Ха-ха! В жизни такого бреда не слыхивал. Землю держат три титана, а те стоят на огромной ящерице, – Лицо монаха на мгновение сделалось кислым, но потом его глаза вновь засмеялись.

– А на чем стоит эта черепаха? – спросил он со странной миной на лице.

– Она стоит на... Я не... Да ни на чем она не стоит. Она летает в... межзвездном пространстве.

– А почему тогда не видно гор, за лесом, а? Горы высоки, их должно быть видно с любой точки плоской земли.

– Туманы войны загораживают, – без раздумий ответил Йорвин. Сиртама Искренне расмеялся.

Дорога в Оторофельд была малохожа и неторена, правда не настолько, чтобы затруднять путь. Видать, не было дел у жителей Каввана в лесу уже давно. Йорвин вылил воду из сапог, снял мокрый плащ и повесил на руку. Сиртама тоже снял кимоно, и, глядя на его телосложение, Йорвин перестал удивляться, как он сумел выволочь его тушу из воды. Монах вовсе не был перегружен мышцами, скорее даже он был худ, но зато был поджарым и рельефным. Йорвин подумал, что монаху ничего не стоит зашвырнуть его обратно в реку. На счастье промокших путников еще летнее солнце грело достаточно хорошо, и до того, как зашло за горизонт, успело высушить одежду, что была на путниках, и даже немного просушить верхнюю одежду, которую

пришлось снять. Когда же они добрались до границы леса, было уже совсем темно. Сиртама скомандовал привал, и решил войти в лес только после рассвета. «В этом лесу» – сказал он, – «Человеку нужно находиться, по возможности, как можно меньше. Это не его территория». Спать пришлось на голой земле. Сиртама, казалось, был подготовлен к чему угодно, но вот Йорвину пришлось несладко. Земля, несмотря на жаркий день, очень быстро остыла, а в спину впивались то камни, то корни. Поэтому он решил в эту ночь бдить первым. Монах не возражал. Йорвин разжег костер, разложил вокруг него мокрую одежду и принялся ее высушивать. Сиртама улегся спать.

Как только солнце поднялось, Сиртама затоптал костер. Йорвин собрался проверить вещи, но обнаружил, что собирать нечего, и вновь горько покачал головой. В желудке было пусто как в голове у портового рабочего, но есть было нечего. Сиртама выполнял в качестве зарядки отжимания на руках, смотря ногами вверх, в то время, как Йорвин оттачивал свой кинжал в перерывах между убийством невидимых врагов. Когда зарядка закончилась, Йорвин и Сиртама облачились в высохшие одежды. Йорвин умело высушил их, ничего не пропалив, только разве что одежды пропахли дымом. Не самый лучший расклад, если идешь в лес, где живут тысячи существ, готовых разорвать тебя и сожрать твои потроха.

Глава IV

Итак, путники вошли в Оторофельд. Их глаза не сразу привыкли к сумраку леса. Лес был действительно сумрачным. Недаром некоторые его так называют. Лес был преимущественно сосновым, но встречались и березы, и вязы, и ели. Хвоя местных сосен была настолько густой и обширной, что практически полностью перекрывала солнечный свет, погружая все, что находится под ней в густой полумрак. Все в этом полумраке казалось иссиня – черным, мрачным, одноцветным. Люди, отягощенные знаниями, особенно в среде чародеев и волшебников, распространяли мнение, будто на Оторофельде лежит тяжкое проклятье. Однако достоверных источников касательно этого вопроса не осталось, так как произошло это, по-видимому, в настолько незапамятные времена, что и местные обитатели не скажут, когда именно.

Чем глубже путники углублялись в лес, тем душнее становилось. Воздух в лесу застыл, загустел и отяжелел. Йорвину это как-то не особо мешало, но вот Сиртаме, как ни странно, пришлось тяжелее. Он стал часто вздыхать, на лбу заблестели капли пота. Он даже сомкнул свой тойшен, и опираясь на него как на трость. Казалось годы, от которых он убежал всю жизнь, в конце концов нагнали его, бросились ему на шею и придавили своим весом. Лес был нем. Или только прикидывался немым, глуша свои, и усиливая звуки, издаваемые незваными гостями. Каждый шорох и каждый вздох казались оглушительными. Мнилось, будто лес пристально наблюдает на ними, приглядывается и прислушивается. Все вокруг было вроде бы узнаваемым; деревья, растения, насекомые, но каким-то другим. Темнее, злее, более гнетущим, более отталкивающим. Лес был однообразен и темен, темен и однообразен. Тропа, ведущая через лес, вилась и вилась бесконечно. Йорвин потерял счет времени. По его разумению они шли уже целый день, и ждал сгущения сумерек. Но на самом деле едва перевалило за полдень. Желудок Йорвина вновь затребовал насыщения, и Йорвин обратился к монаху;

– Сиртама давай сделаем привал. Мы уже почти сутки ничего не...

– Тс-с-с, я что-то слышу, – прервал его Сиртама. На лице монаха было написано напряжение и беспокойство. Что-то было не так. Внезапно Сиртама скомандовал:

– На дерево, живо! – Йорвин, привыкший слушать команды специалиста по выживанию беспрекословно, обшарил глазами близлежащую территорию. Его взор остановился на маленькой, по сравнению со своими сестрами, сосенке. Тем не менее, Йорвину потребовалось подпрыгнуть, чтобы дотянуться до нижних ветвей. Он обхватил ногами ствол, отпустил одну руку и ухватился за другую ветку, повыше. Сиртама же выбрал старую, уже начавшую усыхать, осину. Он карабкался по ней как кот, уверенными движениями перебираясь с ветки на ветку. Когда оба путешественника закрепились на своих позициях, Йорвин наконец слышал топот, который так напугал Сиртаму. Из кустов огромного папоротника на тропу выскочило существо, сильно недовольное тем, что его пытаются обвести вокруг пальца потенциальные жертвы. Зверь рычал, пуская слюни, и глядя на разместившихся на деревьях людей злыми и голодными глазами.

Йорвин сразу узнал зверя, чьей шкурой был услан пол у него дома. Вульфберга, жемчужину фауны Оторофельда можно было бы принять за обычного черного медведя с головой, гривой и лапами волка, а также метловидным волчьим хвостом. Этот медведь был проворнее, свирепее своего косолапого брата, и что самое важное – отличался умом и сообразительностью, превосходящей способности некоторых людей. А потому был почти идеальным охотником. Единственным его недостатком было грузное тело, издававшее в лесной тиши слишком много шума.

Зверь снова зарычал, нахохлился, и повертев хвостом прыгнул, ухватился зубами за одну из нижних ветвей сосны. Та не выдержала его веса, и они оба с хрустом и грохотом рухнули на землю. Побродив с минуту меж стволов, зверь собрался с силами и с разбегу врезался в сосенку

Йорвина задней частью шеи, наклонив голову. Удар был настолько сильным, что все дерево содрогнулось, а с веток посыпалась хвоя. Зверь повторил прием, затем еще раз. Видимо, вульфферг таким образом пытался стряхнуть Йорвина с дерева. Но Йорвин не стал дожидаться, пока зверь стряхнет его себе в пасть, достал кинжал, и после очередного удара сам прыгнул на шею полумедведю. По его расчету после того, как хищник протаранит ствол, он некоторое время находится в состоянии легкого оглушения. И в этот момент он уязвим для внезапной атаки сверху. Расчет оказался верным. Вульфферг не ожидал такого от своего обеда, и кинжал Йорвина, с хрустом проткнув шкуру, застрял между шейными позвонками зверя. Йорвин потратил несколько секунд и приложил немалое физическое усилие, чтобы вытащить кинжал и ударить вульфферга еще и еще раз. Даже смертельно раненый хищник способен нанести врагу смертельный удар прежде, чем испустить дух, но придавленный весом Йорвина зверь бы настолько ошеломлен нападением, что умер прежде, чем сработал его животный рефлекс.

Маленький костерок горел слабо, и то и дело затухал. Казалось, древесина Оторофельда не желала гореть, да и сам огонь был очень тусклым и нежарким. Тем не менее, Йорвин и Сиртама сумели-таки не только поддержать огонь, но даже поджарить на нем мясо убитого зверя. Мясо вульфферга плохо жевалось, было не особо приятным на вкус, а жир хищника вообще источал такую мерзкую вонь, что будь Йорвин дома, у него на двое суток отпало бы желание есть что-либо. Но сейчас юноша был голоден до крайности, и мелкие недостатки пищи его мало волновали. Известно доподлинно, что голодному человеку (действительно очень голодному) сгодятся в пищу хоть гвозди, были бы зубы их разжевать.

Когда запас хвороста начал иссякать, Сиртама поднялся:

– Пойду еще веток насобираю, мой кусок не прожарился, а хворост кончается, – сказал он.

– А я пойду грибов да ягод поищу. Закусить. А то какое-то мясо жестковатое.

– Останься. Поддерживай огонь. Сходишь, когда я вернусь, – Йорвин пожал плечами и стал шепуршить угли дальше.

Сиртама отошел за хворостом достаточно недалеко от костра, и все время следил за ним, дабы не потерять из виду. В семи шагах от него кипел жизнью огромный муравейник размером с небольшую крестьянскую хижину, который населяли огромные, почти с ладонь, муравьи. Пока Сиртама собирал хворост, он перестал обращать внимания на муравьев, а вот они на Сиртаму – не перестали. Муравьи Оторофельда не только крупнее своих меньших братьев, но и стократ агрессивнее. Они фанатично защищают свою территорию и свою матку от любых потенциальных угроз, будь то заяц, лисица или вульфферг. Сиртама, пока собирал хворост, не заметил, как вторгся на их территорию. Несколько муравьев вскарабкались по его штанине, залезли под рубаху и... От неожиданности и боли Сиртама даже вскрикнул, но потом понял в чем дело, рассорил хворост и стал бежать прочь от муравейника, попутно отрывая муравьев, впившихся ему в кожу. Укусы обычных муравьев очень неприятны, но у этих ребят жвала еще острее, а яд сильнее. Сиртама бежал и не смотрел под ноги, когда к нему, забыв о запрете, подбежал, обеспокоенный Йорвин. Сиртама споткнулся о корень и чуть не упал, задев ботинком круглую шипастую шляпку белого, с черными пятнами, гриба. Внезапно этот маленький грибок выпустил огромный клуб белого дыма, в котором утонул и Сиртама, и подбежавший к нему Йорвин. Когда дым рассеялся, они оба лежали без сознания.

Йорвин очнулся, лежа лицом на холодной земле, во рту был неприятный кисло-землянистый привкус. Его руки были связаны за спиной. Узел был добротный, и веревка была не менее надежная. Даже крепкие руки кузнеца не смогли из нее освободиться. Единственное, что у него получилось – это перекинуть руки вперед, подобрав ноги. Попытки распутать Сиртаму тоже не увенчались успехом, слишком уж мудреный узел придумали их заточители. Они с Сиртамой находились в яме глубиной около двенадцати футов. Яму накрывала бревенчатая крышка, но не до конца, обеспечивая пленникам минимум света и максимум воздуха. Через

зазор яму освещал красный свет факелов. Скорее всего, уже наступила ночь. Йорвин встал, размял затекшие ноги и шею. Сиртама тоже подал признаки жизни. Читая немой вопрос на лице Йорвина, он глубоко вздохнул и заговорил:

– Скверны наши дела. Угораздило попасть в плен к морферимам... По моей вине. Боюсь Йорвин, твоё обучение закончится, даже не начавшись.

– Кто это тут помирать собрался, ты что ли? Рано тебе, да и мне пока не время.

– Восхищаюсь твоим оптимизмом, но боюсь, в нём нет смысла. Нам не сбежать. Даже если мы выберемся из этой ямы, нас моментально расстреляют лучники, которых вокруг больше ста пятидесяти на квадратную милю. Тем более, нас поместили наверняка где-то неподалеку от центра их полиса. Чтобы поутру их вожак лично отвел нас к плахе.

– Не имеет значения, я не собираюсь подыхать здесь! – зарычал Йорвин. – Мы должны бежать.

– Оченно не советую, – что-то пропищало сверху. Оба резко подняли глаза. Через зазор на них бирюзовыми глазами смотрел силуэт маленького существа с лисьими ушками и пушистым хвостиком. Маленький морферим разглядывал людей с выражением крайнего и до зуда в пятках искреннего любопытства. И говорило это существо на отчетливом всеобщем, хоть и с тяжелым акцентом. – Вы человеки, так?

– Люди, – прогудел Йорвин.

– Ай, да. Я забыла. Когда вас много – вы люди, а когда по одному – человеки. Хи-хи, впервые вижу людей. А какие вы лысые-е-е! И хвостов совсем нет. Папа говорит, вы вкусные.

– Эй, эй, малявочка, а кто твой папа? Это он нас сюда упрятал?

– Мой папа – као, отец всему клану, но папой его называю только я и Юрки, а для мамы он – муж, – «Какой уж там муж,» – подумал Йорвин, – И зовут его Ояярви. А мою маму зовут Йоухки. Мы с папой, мамой и Юрки живем в самом большом доме в городе. А город наш называется Яаскелайнен. И он большой – в три дневных обхода. Есть еще город Вахванен, он принадлежит сынам Черного Волка. А мы, – Хвостатая девочка гордо выпятила грудь. – Сыны и дочери Серого Лиса.

– Очень рад за вас, – сказал всегда учтивый Сиртама. – Но нам бы хотелось узнать, за какие преступления нас сюда поместили, и что с нами собираются сделать в скором времени?

– Ой, я не знаю. Убьют, наверное. Просто потому, что вы челове... люди. Хотя лично я в вас ничегошеньки плохого не вижу. С вами очень приятно поболтать. Даже приятнее, чем с некоторыми морфериами. Вы ведь правда ничего злого не замышляете?

– Ничего, мы лишь мимо идем. Наша цель – северная окраина вашего леса. У нас и в мыслях не было чинить беспокойство твоему народу и твоему папе. Можешь так ему и передать. Меня зовут Сиртама, а это – Йорвин.

– Мой папа не знает, что я сейчас здесь. А если узнает... то накажет. Если он будет с вами говорить, скажите ему, что я не приходила, ладно? А я замолвлю за вас словечко. Ладненько?

– Угу, – дружно кивнули люди, не вдаваясь в подробности.

– Ну, все, мне надо бежать домой, а то мама хватится.

– Постой, прекрасное лесное дитя, как твоё имя? – спросил Сиртама

– Зуали, – услышали Йорвин с Сиртамой.

– Дочь, ну как ты можешь быть такой неразумной и безответственной, тебе же уже двенадцать! – воскликнул предводитель клана Серого Лиса, као Ояярви. Это был морферим почтенного для людей возраста, шестидесяти трех лет, однако по меркам морферимов – это очень даже средний возраст. Ояярви был очень умным и мудрым правителем, возможно даже лучше своего деда. Отец Ояярви, Сами был, мягко говоря, не для правления рожденным, и вместо того, чтобы заниматься управлением, проводил сутки напролет на обсерваторной башне, разглядывая дневное и ночное небо, и делая какие – то заметки угольком на бересте. Он, несо-

мненно, сделал огромный вклад в развитие астрологической и метеорологической науки морферимов, но из населения Яаскелайнена его почти никто не видел. Все свои государственные дела он доверил своему другу детства, Паси. Оярви унаследовал место отца после его смерти в восемьдесят семь лет, когда тот не вернулся на ночь с башни домой в ту ночь, когда над Оторофельдом шел сильный дождь и несся холодный ветер. Пожилой, но не старый као Сами подхватил пневмонию и скончался. Оярви унаследовал его должность в двадцать восемь лет, но почти сразу зарекомендовал себя как мудрого и надежного правителя, несмотря на юные лета. Сейчас же, дозревший до седин, као Оярви являл собой образец благочестия и целомудрия для правящего класса, хотя многие из жителей Яаскелайнена отмечали, что их као сильно себе на уме.

Он с укором смотрел на свою дочку, Зуали, а та стояла, опустив мордашку и, молча, ждала продолжения грозы. Она ни слова не сказала отцу о визите к пленникам, он сам догадался. Оярви безошибочно мог определить, когда его пытаются надуть, обсчитать или скрыть проступок, а уж обличить родную дочь для него ничего не стоило. Он считывал неуверенность, страх, опаску и сомнения в глазах, в движениях век, рук, лап, хвостов, улавливал мельчайшую дрожь в голосе. Оставалось только понять, какой проступок совершило то или иное лицо.

– Повторяю, чем ты думала?

– Головой, – тихо ответила Зуали.

– У тебя из этого места хвостик растет.

– Но разве связанные и посаженные в яму человеки могут быть опасными?

– Даже связанная рысь кусается, дочка. Ну ладно, так и быть, я перестану сердиться, если ты скажешь что-нибудь хорошее в свое оправдание. О чем вы там говорили? – Зуали с надеждой подняла глаза.

– Ну, ничего плохого они не говорили, – сказала она. – Глупые только они очень, сбегать собирались. Они сказали, что направляются к северной окраине леса. А вот зачем – не сказали, – Оярви провел мохнатой рукой по седеющей черной гриве, и в задумчивости отвернулся. – Пап, они вовсе не такие, как о них вы с мамой нам рассказывали. У них растет на голове шерсть, как у нас. У них по два глаза, как у нас, и щоп... щупальцев на подбородках нет. Морды приплюснутые – это да.

– Что же делать, что же с ними делать? – Тихо бормотал вождь, повернувшись лицом к углу комнаты. Его одолевали сомнения. Он очень не хотел расстраивать любимую дочь, но с другой стороны, нельзя же распаивать объята чужакам, особенно людям на фоне событий их последенего появления в Оторофельде. – Ах, знаю. Через два дня состоится ежегодная церемония посвящения юношей в воины. Надеюсь, никто не будет против, если в этом году мы немного отойдем от традиционных рамок обычая, и позволим им драться не друг против друга, а с чужаками.

– Ты хочешь, чтобы неотесанные дуболомы порвали их на куски? Нет, я не согласна. Они хорошие, – Глаза Зуали заблестели, отец повернулся к ней, опустился на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне и тихо сказал:

– Не понимаю, Зу, что движет тобой, любопытство или доброта, но я готов пойти тебе навстречу. Турнир пройдет без кровопролитий. А по окончании турнира я отпущу их на все четыре стороны. Но помни, если у этого поступка будут плохие последствия – огромные беды обрушатся на нашу семью. Ты точно готова за них поручиться?

– Без раздумий и всем сердцем! – выпалила Зуали.

Йорвин и Сиртама сидели в канаве и ждали, когда же их прикончат. Прошел длинный как жизнь эльфа день, сумеречный и темный, как обычно в этих местах. Затем наступила не менее длинная ночь, настолько темная, что даже огонь факелов был не в силах разогнать такой густой мрак. Затем цикл повторился, и пленники поняли, что так просто не отделаются. На рассвете третьего дня крышка их темницы отодвинулась и пленникам был сброшен канат и заостренный камень. Они разрезали путы и выбрались наружу. Вокруг них собрались морферимы – двулапые гуманоиды, наполовину – люди, наполовину – лисы. Нижняя часть их тела принадлежала целиком семейству псовых – прыгучие когтистые лапы и пушистые хвосты позволяли морферимам бегать быстрее ветра на четвереньках, а также лисьи морды, с развитыми обонятельными рецепторами делали их идеальными охотниками. Торс морферима имел человеческое строение. Тела мужчин – морферимов украшала крепкая мускулатура, а женщины морферимов были стройны и изящны. На пятипалых ладонях, как и на всей поверхности тела, росла гладкая шерсть, а на пальцах росли длинные и черные ногти. Головы всех морферимов украшали пышные и длинные шевелюры, которые были того же цвета, что и расцветка шерсти на всем теле. Умные глаза смотрели прямо и уверенно. Рост морферимов был средним – от пяти до шести футов. Исключения были редки.

Один из морферимов подошел к Йорвину. В руках у него было копьё с острием из отточенного камня, а за спиной висел длинный лук и колчан, полный стрел. Точно так же были вооружены и остальные члены отряда.

– Заточку, – Произнес морферим бархатным, чуть подсиповатым голосом и вытянул вперед руку, раскрыв ладонь. Йорвин, чуть помедлив, без особого желания отдал камень.

– За мной, – также спокойно и бесстрастно сказал солдат, развернулся и зашагал куда – то. Йорвину и Сиртаме ничего не оставалось, кроме как проследовать за ним.

Они, безусловно, находились в глубине огромного поселения морферимов. По обе стороны от дороги стояли дома. Дома были простого с виду строения – бревенчатые каркасы, обтянутые несколькими слоями кожи. Дома строились не только на земле, но и на деревьях. Деревья, находящиеся в городской черте, были особенно высокими и толстыми, и не было ни одного дерева, которое не размещало на себе хотя бы один дом. Между домами была организована целая сеть подвесных коммуникаций, состоящих из канатов и канатных мостов, которые все время активно использовались. Из окон, построенных на верхотуре домов, а также с подвесных мостов на людей смотрели как на диковинку местные зеваки. Улица, по которой шагал конвой, была прямой и широкой. В нее впадали как притоки более узкие улочки. Вдоль дороги были расставлены ночные факела, а также с крыши на крышу над улицей на специальной веревке были развешаны фонари, которые зажигались по ночам.

Наконец, дорога кончилась, и конвой оказался на центральной площади. Посреди площади стоял огромный дом, трехэтажный, более основательный и крепкий, чем остальные. Дом этот, несомненно, принадлежал вождю и его семье. На пороге стоял никто иной – сам вождь. Он был осанистым, крепко сложенным морферимом шести футов ростом, с глубокими и ясными глазами, серыми, как зимнее небо перед закатом. Цвет шерсти был темным, но не черным. Густая длинная грива с заметной проседью была перехвачена сзади лентой. Одет он был как воин, в кожаную броню. На спине у него была накидка из медвежьей шкуры, с наплечниками из лап зверя. Этот атрибут не был декоративным элементом одежды, он подчеркивал главенствующее положение вождя среди своего народа. Конвой остановился на расстоянии восьми

шагов от ступеней, на которых стоял верховный морферим и сделал два шага в разные стороны, взяв пленников в полукруг. Вождь сошел на землю и подошел к Йорвину почти вплотную. Глубоким взглядом темных глаз снизу вверх вождь окинул Йорвина, задержавшись лишь на его голубых глазах. Затем он подошел к Сиртаме и их глаза встретились почти на одном уровне.

– Так, значит, вы направляетесь на север? – осведомился вождь.

– Это ты у нас по глазам прочел? – изумился Йорвин.

– Нет. Мне это дочь рассказала. Но по глазам я могу определить правдивость ее слов.

– Ну и как, определяется что-нибудь?

– Если бы ответы на все вопросы отражались в глазах... – вождь повернулся спиной и солдат слева от Йорвина крепче сжал древко копья. – И все-таки мне крайне любопытно, что понадобилось двум людям на северной окраине Оторофельда? Ответьте, если не секрет.

– Я боюсь, это секрет, – сказал Сиртама. Вождь снова вцепился в него взглядом, будто усомнившись в том, что увидел там ранее.

– То, что вы отказываете мне в ответе на прямой вопрос, говорит не в вашу пользу. Боюсь, в таком случае я не смогу просто взять и отпустить вас. Тем не менее, я соглашусь пойти вам навстречу при одном условии...

– Ну и каком? – нетерпеливо прервал напряженную паузу Йорвин.

– Я возьму с вас одну услугу, так сказать... таксу по страховке... вашей свободы. Кажется, так у вас говорят. Вы примете участие в нашем ежегодном турнире посвящения мальчиков в мужи. В турнире участвуют оба клана морфериамо. Турнир командный, его цель – вывести противников из строя. Та команда, которая будет стоять на ногах, когда их противники будут не в состоянии продолжать бой, побеждает. И я хочу, чтобы в этом году юноши дрались не друг против друга, а против вас, чужаков. Короче говоря, проявите себя на арене, и я обещаю вам свободу. Договорились? – Йорвин с Сиртамой переглянулись.

– Это был... риторический вопрос? – поднял брови Йорвин.

– Какой вопрос? – не понял вождь.

Города Яаскелайнен и Вахванен располагались на расстоянии примерно около мили друг от друга, а между ними стояла арена для ежегодных турниров. Зона боя была ограждена кольями, толстыми, но отлично отточенными. Арена была огромная и предполагала вместить в себя более пяти тысяч зрителей. Трибуны были разделены так, чтобы кланы располагались друг напротив друга. Например, морферим клана Сынов Лиса не допускался на территорию Сынов Волка и наоборот. Такая жесткая сортировка обусловлена предотвращением возможности межклановых связей во имя поддержания чистоты крови. У морферимов этот закон был на уровне святых. И если солдаты замечали уединенную разнополую пару из разных кланов – расстреливали без предупреждения.

Трибуны были заполнены, и гвалт стоял невообразимый. Йорвина и Сиртаму вывели на арену первыми. Напротив ворот, из которых они вышли, на трибуне располагалась двойная аркада с переборкой. На правой стороне расположился вождь Оярви со своей семьей. Сам Оярви сидел на самом большом кресле, устланном шкурой лесного барса. Барс Оторофельда, как впрочем, и все остальные животные этого леса, страдал гипертрофированной акселерацией организма и был почти вдвое больше своего брата из других краев. Его рыжая жена Йоухки сидела по правую руку от него, а по левую сидели дети – уже знакомая беленькая Зуали и ее брат, Юрки, темношерстный, как его отец. На левой стороне аркады на таком же кресле восседал вождь Сынов Черного Волка, дао Вальттери. Семьи при нем не было. Вальттери был само воплощение свирепости. Огромный, восьми футов ростом полуволок – получеловек, был настолько перегружен мышцами, что его голова казалась просто крошечной. На этой крошечной голове размещались два маленьких свирепых черных глаза. На левом глазу у него был шрам от брови до угла рта, оставленный чьей – то когтистой пятерней, скорее всего в драке

с такими же морферимами. Длинная черная грива его была собрана в толстую косу. Вальттери сидел молча, подперши морду локтем. Оярви поднялся с кресла, поднял руку, требуя тишины, и заговорил:

– Братья! Сестры! Родичи! Сегодня день воистину особый. Четверо наших сильнейших парней сразятся за право стать воинами. Но я не просто так сказал, что день особый. В этом зимовье драться они будут не между собой, как принято, а с этими чужеземцами, дерзнувшими вторгнуться на нашу землю. Да простит меня Праматерь за это попущение, но я расцениваю это как знак. Знак грядущих перемен. Но чтобы перемены были к лучшему, нельзя забывать об уроках прошлого. Так давайте в этом зимовье вспомним бой три тысячи восьмого и устроим небольшую его инсценировку. Да начнется битва за родину! – Рев и вопли с трибун вновь разразились подобно урагану, так, что с сосен посыпалась хвоя. – Итак, дети мои. Начнем же турнир!

Дао Вальттери, не двигаясь с места, скупно кивнул, давая свое согласие на начало турнира. Решетка под вождями поднялась, из нее вышли двое морферимов из клана Серого Лиса. Один из них был бурого цвета шерсти, другой – медно рыжего. Морды у морферимов на людской глаз были почти одинаковые. Впрочем, на людской глаз все морферимы были одинаковые. Друг друга же они различали так же как люди, а цвет шерсти имел для них не больше веса, чем цвет волос у людей.

Морферимы взяли с козел боевые шесты, и приняв боевую стойку, медленно двинулись навстречу противникам. Йорвин с Сиртамой сделали то же самое. Без предисловий рыжий напал на Сиртаму. Удар был молниеносен, но тем не менее, Сиртама без труда его парировал. Далее на монаха с бешеной скоростью посыпался град ударов, но ни один не достиг цели. Йорвину тоже было некогда наблюдать за их поединком. Его противник нанес ему быстрый удар в плечо, на который Йорвин просто не успел среагировать. Этот удар был такой сильный, что Йорвина аж отшвырнуло на два шага. Он попытался ответить ударом на удар, но его шест лишь со свистом рассек воздух, в то время, как на его спину обрушился ураган. В бешенстве Йорвин нанес удар в пируэте, но его противник, легко парировав его, разорвал дистанцию. Ничего вокруг себя не видя от боли и бешенства, Йорвин стал размахивать шестом как деревянным мечом, разя воздух размашистыми и сокрушительными махами. Вдруг, оглушительный треск возвратил его из состояния боевого исступления. Его противник, поняв, что от очередной атаки не сможет уклониться, понадеялся парировать последний удар, но он оказался настолько силен, что шест морферима ударил его же чуть повыше глаз. Оружие в руках обоих противников разломилось надвое. У Йорвина шест разломился от невероятно сильного удара, а у бурого лиса – от столкновения с его головой. Морферим упал на песок арены, раскрыв пасть и выкатив язык. Со лба на землю с рассеченного лба закапала кровь. Сиртама пока не получил ни одного удара от рыжего противника, зато сам нанес порядочно. Хоть морферимов обучали скрывать свою боль от врагов, было заметно, что рыжий едва держится на лапах. Утратив концентрацию, он пропустил добивающий удар ноги в грудь, и повалился рядом со своим собратом. Победители, наконец, смогли выпрямиться и отдышаться. Но это был еще не конец. Оярви поднялся с кресла, и гвалт мгновенно смолк.

– Чужаки показали себя умелыми воинами. Что ж, тем почетнее будет одержать над ними верх. Проигран бой, но не война.

Вождь сел, а из-под решетки вышел серебристый морферим – лис и черный морферим из клана Черного волка. Все сыны и дочери этого клана имели неизменно темный цвет шерсти. Человеческий глаз был способен различить их лишь по росту и специфическим прическам, кои морферимы делали с восхищающим мастерством.

Серебристый взял с козел свой шест, и с хриплым ревом кинулся на Сиртаму. Но за мгновение до того, как поразить монаха, что – то выбило из его рук оружие, а он сам рухнул

мордой в песок. Поднявшись, он увидел, что человек, как ни в чем не бывало, стоит в двух шагах от него и держит в руках оба шеста – свой и его.

Полуволк увидел, что у его противника оружие сломано, и предпочел сойтись с ним в рукопашной. Они поравнялись и посмотрели друг другу в глаза. Они с Йорвином были почти одинакового роста. Вдруг, морферим схватил Йорвина за грудки, поднял над головой, используя свою невероятную силу, и швырнул Йорвина на песок как связку хвороста. Поднявшись на четвереньки, Йорвин бросился ему под ноги, с неимоверным усилием оторвал его лапы от земли и опрокинул на спину. Юноша, уразумев, что его оппонент гораздо сильнее его, не теряя ни секунды, пока противник очухается, набросился на него и начал изо всей силы бить морферима по глазам, ушам и носу. Не успел он нанести и трех ударов, как был отброшен прочь. На этот раз хвостатый громила пошел в атаку. Правило «не бей лежачего» определенно здесь не работало. Морферим вознамерился одним ударом локтя переломать Йорвину все ребра, но он оказался проворнее, в последний момент перекатившись в сторону. Каким-то чудом в его руку лег обломок шеста, и Йорвин, недолго думая, обрушил его на голову противнику. Обломок от силы удара разлетелся в щепки, а морферим, дико завыв, откатился прочь, держась за правый глаз. Похоже, острая щепка шеста в глазу причиняла ему сильную боль. Пока хвостатый здоровяк протирал глаз, Йорвин поднялся и, зайдя морфериму за спину, что было силы сдавил в сгибе локтя его толстую шею, стремясь пережать место, где у людей находится сонная артерия. У морферимов она находилась там же. Полуволк сначала оказывал яростное сопротивление, пытался добраться до Йорвина и вырваться, но тот держал крепко. Руки морферима бились в тщетных попытках снять голову Йорвину с плеч, и даже сильно расцарапали ему бровь, оставив две глубокие царапины. Наконец, мохнатый великан начал мякнуть, в движениях стала проступать кисельность, и, в конце концов, его руки безвольно опустились как плети. Чтобы окончательно «вырубить» его, Йорвин с размаху опустил свой кувалдоподобный кулак ему на череп.

Серебристый цвет шерсти морферима, смешавшись с пылью арены, стал грязно – серым. Всколоченная грива постоянно лезла в глаза и загораживала обзор. Сиртама же стоял твердо. Взгляд его был неизменно прям и спокоен, и лишь едва заметная капелька пота скользила по его виску. Соперники снова обменялись ударами. Удар – блок. Удар – блок. Удар – хруст! Удар, пришедшийся на пальцы морферима, сжимавшие шест негромко хрустнули, но оба бойца это почувствовали. Морферим выронил шест и дико завыв, схватившись за кисть. Два пальца, указательный и средний были сломаны и смотрели в разные стороны.

– Ар-г-р-р, я убью тебя, человеке! – заревел он, и изрыгнул какое – то древнее проклятие морферимов как плевок.

– Все кончено – сдавайся, я не хочу тебя больше калечить, – ответил Сиртама.

– Оставь свою милость малолетним воругам из ваших помойных городов! – зашипел морферим и поднял здоровой рукой свой шест. Он попытался поразить Сиртаму одной рукой, но удары его были медлительны и Сиртама легко уклонялся от них. Его же удары были стремительны подобно молнии и сильны как удар тарана. Одним ударом снизу по челюсти Сиртама покончил с морферимом.

Но вождь не унимался. Он определенно хотел их видеть побежденными. Вновь решетка под ним поднялась, выпуская всех оставшихся бойцов. На этот раз на арену против Сиртамы и Йорвина вышли аж трое противников. Причем, двое из них были бугаи из волчьего клана. Двое братьев, судя по похожим прическам, переглянулись, и один из них указал пальцем на Йорвина, и, ткнув своему родичу из лисьего клана на Сиртаму, уверенной походкой зашагали к Йорвину. Морферим – лис бросился на Сиртаму и стал оттеснять его к шипастой ограде, в то время как здоровяки из клана Волка прогрессивно урабатывали Йорвина. Против двух таких противников Йорвину было не выстоять. Их меньший брат из клана Лиса не давал Сиртаме прийти ему на помощь, не нападая, но ожесточенно отбиваясь ото всех попыток миновать

его. В их совместных действиях невооруженным глазом прослеживалась тактика. Очень скоро Йорвин лежал на песке без чувств, а Сиртама был вынужден сражаться с тремя противниками, просто подавлявшими его напором, числом и свежими силами. Но каким бы ни был Сиртама хорошим бойцом, он очень скоро был свален на песок, избитый, как и Йорвин.

Бой был окончен для Йорвина с Сиртамой. Победоносное трио покинуло арену. Один из морферимов держался за выбитый клык. С поля боя уносили побитых и покалеченных, чтобы выпустить свежих бойцов для нового поединка. Йорвин довольно быстро пришел в себя и попытался подняться, правда получилось у него не сразу. Все – таки у народа Черного Волка была очень тяжелая рука. Но со второй попытки он – таки сумел подняться и выпрямиться. Вождь клана Серого Лиса поднялся, чтобы произнести финальную речь:

– Братья! Сестры! Родичи! Могучие противники были повержены. Восславим же наших новых воинов! В их честь сегодня вечером мы устроим пир. Пока же продолжим наш турнир. А что касается вас, люди, вы свободны и можете покинуть наши земли, когда вам заблагорассудится, – Йорвин, держась рукой за сломанные ребра, кивнул в знак благодарности, повернулся, чтобы уйти, но сделав два шага, упал ничком без сознания.

– Что? – взревел Вальттери, который до этого момента сохранял молчание, и вообще производил впечатление немого, – Отпустить этих.... Этих? – от возмущения вождь аж подскочил, – Оярви, ты спятил?

– Я собираюсь сделать лишь то, что должно. Я не нахожу в них ни вины, ни угрозы, тем более они только что нам услужили. Те бойцы, которых сегодня унесли на носилках, станут только сильнее к следующему зимовью. Поэтому они нам не враги.

– Не враги? Тебе самому не смешно от того, что ты несешь? Люди расплозятся по земле как чума, вырубают леса, иссушают реки, вторгаются на земли наших отцов и дедов. По-твоему на это способны друзья?

– А я и не говорил, что они – друзья! – Оярви тоже начал повышать голос. – Но я не допущу, чтобы за грехи целого народа расплачивались безвинные его представители.

– Безвинные? Ты смеешься? Они у тебя на глазах вмяли в землю четверых наших. Двое из них покалечены. По-твоему, они безвинны, раз способны на такое? Ох, нет. Дай только им возможность, они позовут свою братию и камня на камне здесь не оставят. В отличие от тебя, я имел дело с людьми, и они умеют мстить за обиды не хуже нас с вами, а ты только что заставил их плясать под свою дудку на посмешище толпе. Я бы этого не забыл, и сомневаюсь, что они забудут. Поэтому я прикажу от них избавиться. Их лица я натяну на камень и повешу у себя дома, а их мясо скормлю беднякам.

– Только через мой искалеченный труп, – сквозь зубы прошипел као и кулаки его сжались.

– Ну что ж, будь по – твоему, – на морде дао Вальттери появилось некое подобие ухмылки. Кажется, вождь Черных ждал именно такого расклада. Он снял с себя все регалии и спрыгнул на арену, – Уладим это, как велит наш обычай. Никакого оружия и выживает только один.

Као тоже снял с себя накидку, манжеты и затянул потуже кушак.

– Оярви, что ты делаешь? – воскликнула его жена, Йоухки. – Он же убьет тебя! Ты не должен приносить себя в жертву, ради каких-то людей. У тебя семья, у тебя дети, ты не можешь вот так просто лишиться их отца. Умоляю тебя, одумайся, одумайся, пока не поздно. Зазря себя погубишь!

– Значит, такова судьба, – тихо произнес Оярви, после чего обнял жену и детей и спустился на арену к Вальттери.

Вальттери был в полтора раза выше его и вдвое шире. И, разумеется, был намного сильнее Оярви физически. Зато тот был быстрее и проворнее грузного полуволка, на что, собственно, и рассчитывал. Первым делом, Оярви бросился с разбегу в ноги Вальттери, стараясь сбить

его наземь, но дао прямо на лету поймал его и что было силы, швырнул через себя. Немало ошарашенный Ояярви не заметил, как Вальттери подошел сзади, схватил его за хвост и лапу, и швырнул на трибуну для вождей, где они только что сидели. Проломив собой ограждение, као чуть не застрял в нем, но свалился на землю, оставив после себя приличную пробоину. Жена и дети не могли смотреть на это. Они сидели, закрыв глаза ладонями и дрожа от страха. Могучий дао подошел к лежащему као, схватил и поднял его над головой, а затем что было силы обрушил на колено. Все собравшиеся думали, что после такого уже не встать, но проходит десяток ударов сердца, а затем еще один, и ухмылка с морды Вальттери, который уже думал, что с Ояярви покончено, начала сползать.

Вождь клана Серого Лиса отличался кошачьей живучестью, несмотря на то, что его предки принадлежали семейству псовых. И в тот момент, когда Вальттери, уже празднуя победу, собрался его прикончить, као Ояярви быстро поднялся. Он все время был в сознании, и копил силы для дальнейшего боя. Но нельзя сказать, что это далось ему легко. Поврежденная спина сильно болела и као заметно хромал. Вальттери начал приходить в бешенство. Этот спектакль с танцами начал ему сильно надоедать. Он решил одним махом покончить с Ояярви. Быстро, красиво и кроваво.

Вальтерри побежал навстречу Ояярви, намереваясь насадить его на колья на глазах у его семьи и обоих племен. Он уже представлял себе окровавленный кол, торчащий у као из груди, но в последний миг, когда от Ояярви его отделяло два шага, Ояярви с силой оттолкнувшись от земли, бросился под ноги дао, и тот, споткнувшись, налетел прямо на кол, на который собирался насадить соперника. Пронзенный Вальттери зарычал, но рык очень скоро превратился в булькающий хрип, а затем стих. Дао Вальттери, бывший вождь клана Сынов Черного Волка, обвис на колу.

С трибун Сынов Лиса обрушились овации. Их вождь только что доказал, что он воистину первый в клане. Йоухки лила слезы счастья, а дети с визгом восторга прыгали по всей трибуне. Сторона Сынов Волка хранила угрюмое молчание. Хоть Вальттери и не был хорошим предводителем, но он как – никак он был вождем. Теперь, до избрания нового в племени будет твориться анархия безвластия, а вождя найдут нескоро. У Вальттери не было семьи. Он всю свою жизнь посвятил воинскому искусству. Но как воин ли он умер – спорный вопрос.

Йорвин лежал на койке из черного дуба на соломенном матрасе в лечилище Яаскелайнена. Когда Он очнулся, его переключивали с телеги на койку трое морферимок – лекарок. Койка была ему мала, но жаловаться он не стал. Сиртама очнулся чуть позднее, и поняв, что бой закончился, и что их отпустят, как только они встанут на ноги, улегся спать дальше. Сиртама лежал на такой же койке справа от Йорвина и тихонько посапывал. Наступила ночь, но Йорвин не спал. Он смотрел в потолок и думал, сколько еще людей видели этот чудо – город? Пожалуй, таких «счастливых» можно пересчитать по пальцам... одной руки.

В палате они были одни. Морферимы, с которыми они бились утром, лежали в соседней палате, откуда доносился негромкий гомон. Вдруг, дверь в палату открылась, и вошел као Ояярви. Он шел, прихрамывая, держа в правой руке трость, а левая была на перевязи. Еще перевязана была травмированная спина, оттого он и хромал. Йорвин резко повернул голову в его сторону. Светильник осветил его лицо. Под левым глазом виднелся синяк, на подбородке ссадина, на лбу две глубокие рваные раны. У Йорвина также было перевязано вывихнутое предплечье.

Као подошел к Йорвину и присел на соседнюю койку.

– Ого, вождь, что с тобой, с вульффергом подрался? – спросил Йорвин

– Не совсем с вульффергом, но около того. Вы с твоим другом пропустили большое веселье. Мы с дао Вальттери поспорили о том, что делать с вашими головами. Он хотел их отру-

бить и натянуть на камень, а я настоял, что вы их унесете на своих плечах. К сожалению, спор урегулировать мирно не удалось.

– И ты надрал ему хвост? – Ояярви кивнул. – Ого! Да ты крут, в нем же два тебя! Не расскажешь, в чем твой секрет?

– Ну, у нас есть поговорка, чем больше сук, тем громче падает.

– Хорошая поговорка, – засмеялся Йорвин. – Надо будет запомнить, – Ояярви тоже улыбнулся углом рта. – Видать, теперь мы твои должники, вождь...

– Меня зовут Ояярви. Као Ояярви. Као – титул верховного морфериам в клане Сынов Серого Лиса, – Лицо Йорвина аж суксило от такого имени.

– Ояй..? Ну и имена же у вас, однако. А меня зовут Йорв...

– Йорвин и Сиртама. Да, я знаю. Зуали мне сказала. Мне ваши имена кажутся не менее странными, – Оба рассмеялись. – А по поводу долгов... Сочтемся, быть может. Не на этом свете, так на том.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.